

1 ма.
ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА им. МИХ. КАЧКОВСКОГО.

Ч. 437.

Май 1912.



ЗАКЛЯТЫЙ МЕДВЪДЬ.

(Народная сказка.)

Цена 30 гел.



ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА ИМЕНИ МИХАИЛА КАЧКОВСКОГО.

Мѣсяцы: Май 1912.

Ч. 437.

ЗАКЛЯТЫЙ МЕДВѢДЬ

(Народная сказка.)

написала

Клявдія И. Алексовичъ

Почетна предсѣдателька Общества „Русскихъ Дамъ“,
основателька и почетный членъ Общества „Муза“,
почетный членъ Общества им. М. Качковского.

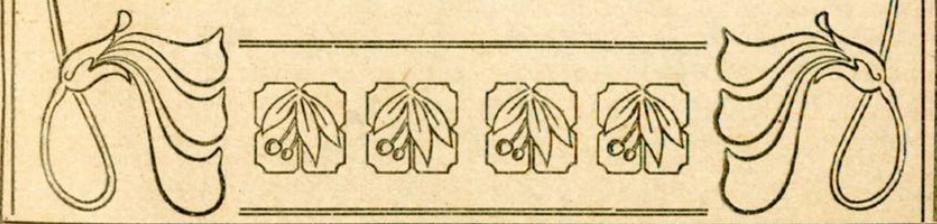


Львовъ 1912.

Изъ типографіи Ставропигійскаго
Інститута

подъ управ. М. Рефця.

За редакцію отвѣчаетъ Филиппъ Ив. Свистунъ.





ЧАСТЬ I.
Проклятие.
I.

Было то давно, даже давно.

Въ селѣ Ломна жилъ собѣ богачъ — солтысъ — писался Тымко Медвѣдь. Богачъ былъ, бо онъ не напивался. Трафились гостѣ, та поставилъ фляшину пива — по скляночцѣ выпили, та и на томъ конецъ — бôльше нѣтъ!

Богачъ онъ былъ, бо працювалъ коло своей ролѣ, коло своей русской святой землицѣ. У него много было грунтôвъ. Одни ролѣ спокладаль на яри, другіи въ осени. Покладъ полежить двѣ недѣлѣ, корѣнья буряну высхне а тогда онъ покладъ оре, скородить вздолжъ та перекъ, боронить такъ, ажъ пока до послѣднѣго корѣнца не очистить землици изъ буряну.

Обрѣникъ онъ все въ осени навозитъ. Иншу ролю спокладає пôдъ саму зиму. На морозѣ корѣнья буряну вымерзне, а земля скрушѣе и новои силы набере:

А и на то смотрѣль, щобы зерно чистое, нѣсколько разъ пôдчиненое сѣяти. Тожь на его ланѣ, корѣнца пшеничного бурянъ неприглушue а такъ пшеничка свободно, розкошно и скоро достигае.

Домашнее хозяйство — Тымко Медвѣдь былъ вдовецъ — вела двоюродна сестра; звались Анна Галушка. Тымко Медвѣдь имѣлъ одного

сына — тожъ то и найважнѣйша задача Анны была того сына — звался Петро — еще изъ мала его добре выховувати. Анна не жалѣла труда.

Якъ за рѣдною дитиною ухаживала за Петромъ: и дома нагинае его до роботы и въ церковь его веде и въ школу посылае.

Лѣта скоро бѣжутъ... И Петро нашъ вырѣсъ уже на хорошого, честного паробка, такъ що не одна мати ставила его своимъ дѣтямъ въ прімѣръ.

Но бѣда не спить. Петро нашъ попался межи паробкѣвъ-негодяевъ; сталъ съ ними товариши, въ корчму ходити... а тамъ и дѣвки негодяйки нашлися... ну несчастье! Изъ нашего, честного Петрастался послѣдній негодяй, пьяница, однимъ словомъ ледашо.

Дома грызота, печаль, та смутокъ.

— Анно, Анно! — каже Тымко — того не выдержу... нѣтъ! такое несчастье на мою голову впало! Бывало — Петро былъ найлучшій паробокъ межи нашею челядью... и самъ крѣпко робиль и другихъ допильнувалъ... худоба, конѣ вычесаны, ажь шерсть полыскуется.. стайнѣ выметены, сухіи...

— А сколько разъ — каже Анна — онъ пригадовалъ, може токо — оно скорше робити...

— Нынѣ — говоритъ Тымко — наказалъ я ему, чтобы чѣмъ скорьше выѣхалъ съ третьимъ возомъ, чтобы пшеницю свести, бо хмарилося... а то его якъ нѣтъ, такъ нѣтъ! Що ино мы двома возами встигли свести въ стодолу... а тутъ дощъ люнулъ... та то-то, що третій вѣзъ имѣль посвозити, ось, онде мочится!

— Несчасна годинонка! — говоритъ Анна — черезъ его пьянство, упадае газдѣство.

— Я не знаю — каже Тымко — менѣ голо-ва сохне... не знаю и не знаю, якимъ бы спо-собомъ его въ корчму не пустити .. хиба ланцомъ его приковати.

Въ ту хвилю надойшоль Петро, а зачуви послѣдніи слова отца, каже захрыпымъ голосомъ, бо пьяный, що ледво на ногахъ держится.

— А щожь то-то!... чи то я не вашъ солтыскій сынъ, щобы менѣ не вѣльно было зайти въ корчму, на чарку горѣлки... та тамки съ паробками та дѣвками повеселитись.

— А! то-то ты красно чтишь, та шануешь отцовску честь — то солтыство — корчмою, та горѣлкою?

Петро качається на ногахъ, та ледво срозумѣло мормоче:

— Бо то таке мое солтыськое право.

— Ты здурѣлъ Петре! ты видѣлъ, щобъ я коли въ корчму ишолъ?

— Бо вы тату старый дура, вы ничего нерозумѣете!

Отецъ крикнулъ сердито: — А ты якъ смѣшъ такъ до отца промовляти... ты... чуешь... ты!

— Петро же въ злости момэрче: — Що то... чуешь... що то чуешь... я тутъ такій панъ якъ и вы... що то-то — тай розмахнулся рукою, пошатнулся, та грянула пястукомъ отца въ голову... Отецъ впалъ на землю а и Петро тоже повалился. Анна перестрашена вопить, кричитъ: братчику пробудись! Но Тымко запомороченый — очи заперты — лежить якъ неживый.

Анна поскочила — принесла горнятко воды, плаче, заводить, та молится: Господи! Царю небесный! умилосердись надъ нами! — и приклѣкла по при Тымку а влявши капочку воды на долонь, брызнула нею Тымку въ лицѣ. Тымко, блѣдый якъ смерть, отвирае помалу очи, тяжко вздохнуль а по хвилѣ промовляе: сердце мнѣ пukaе изъ жалю... уми.раю! Счастье... що... я... вчера сповѣдался... та... причащался! — и тяжко вздохнуль.

Анна заводить: брате м旤й единый! не покидай насъ!

— Тымко вздохнуль тяжко та и каже: Сыну м旤й единый, щобъ ты твой тяжкій грѣхъткі на семъ свѣтѣ отпокутуваль, будь.. про-

клятый!... Станешся медвѣдьомъ бѣлымъ; жити будешь въ темнѣмъ лѣсѣ, а лѣсніи духи будутъ издѣватися надъ тобою, будутъ всякии пакости тобѣ дѣлати, ажъ пока тотъ твой тяжкій грѣхъ, щѣ ты поважился руку на отца твого подняти, не спокутуешь! Тяжкій твой грѣхъ—то и покута мусить быти тяжка! А найдеся дуже праведна а честна дѣвка... Она возвѣстить тебѣ — несвѣдома въ томъ — твоє спасенье тогда, коли поцѣлуе перстень, що буде мала на третьемъ пальцѣ лѣвои руки.

Тымко тяжко застогналъ. Анна заводить.. плаче.. руки ломить: брате мой единий! та на кого ты мене лишаешь?! я тутки сама не остану.. я Петра выховала отъ дитины, якъ его мати умерла... Онъ пôде въ лѣсъ... и я пôду за нимъ,

— Сестро дорогая, да будеть воля твоя!.. станешся бѣлою мышкою... та будешь при немъ
Вздохнулъ тяжко, заперъ очи и... скончался.

II.

Петро отямывшись, припадае къ отцу... цѣлую руки, ноги, слези котятся по лицю ему; онъ кличе: Тату! тату! простѣть менѣ... тату! тату молю васъ! простѣть менѣ!...

Но нѣтъ... Отецъ не слышитъ... онъ скоснѣлый, мертвый лежить. Нѣтъ, онъ не вымовилъ тое спасительное слово: „Прощаю тебѣ сыну твой тяжкій грѣхъ“. Духъ Іотца улетѣлъ скоро... къ небесамъ.

Петро устроилъ отцу величавыи похороны. Запросилъ много доокрестныхъ священниковъ, подавалъ на сорокоусты, богослуженіе стоитъ за богослуженіемъ. Народа сошлося много изъ другихъ сель, ибо Тымко Медвѣдь былъ отъ всѣхъ любленъ и почитанъ, бо онъ былъ дуже учинный; въ чемъ лишь мѣгъ, всякий разъ помагалъ.

Петро заговорилъ къ тетѣ: Тете Анна, дорогій мои! та вы зайдѣтъ къ сосѣдамъ та попро-

сѣтъ одну, та другу, та и третью сосѣдку, що-
бы вамъ пришли помагати варити, та печи, що-
бы подостаткомъ доброи гостины было. Та и
самъ Петро, зашоль межи сосѣди, та и просить:
Газдоњку Матвѣю будьте ласкавы, будьте менѣ
за „просатаря“, потрудѣтся на выжный конецъ,
та и васть прошу честный газдоњко Нѣкита, по-
трудѣтся на нижній конецъ, та походите отъ ха-
ты до хаты, та спрашуйте на „стыпу“!

Столы были заставлены и въ свѣтлицѣ и
на подвѣрью, гостинная „стыпа“ черезъ три дни
стояла.. Петро ходитъ довкола столбовъ, дае
принуки, припрошуе гостей, щобы кушали... самъ
же ничего не кушае, ходить сумный, очи полно
слезъ, пожолкъ, якъ листокъ въ осени, смѣнился,
якъ не той самый Петро.

Коли уже полагодиль всѣ похоронныи спра-
вы, пошолъ еще до тутешнѣго священника, що-
бы имъ поблагодарити, що такъ много причини-
лися до возвеличенья похоронѣвъ, а що засталъ
ихъ въ церкви, то просилъ, щобы его высповѣ-
дали и запричащали.

Ему такъ якось легче сробилося на душѣ,
но только на хвильку, бо его грѣхъ, станулъ
ему сейчасъ передъ очами. Сумный, задуманый
вергае домовъ.. а тутъ... встаете вѣтеръ, буря...
трѣскъ-пракъ... громы бьютъ... всѣ поля сол-
тыскіи западаются... а въ томъ мѣстци повста-
ютъ лѣсы. И люди видятъ, якъ бѣлый медвѣдь
идетъ въ лѣсъ, а бѣла мышка бѣжитъ по - при
немъ.

А то люди и не на одно надивилися. Пере-
ходя черезъ лѣсъ, постояли оподаль: медвѣдь
сидить собѣ передъ хатою, а тутъ прилетѣлъ
къ нему лѣсный духъ, дернулъ его за ухо, та
крикнулъ: Ты чого спишь, босый медведю, на!
взуйся, ладныи чоботята, тѣ сами, щось въ нихъ
ходилъ до корчмы межи безстыдны дѣвки, та
паробки; они тобѣ договорювали „ты солтыскій
сынъ, пїй, та гуляй!“ а ты негодяй, бездѣльникъ,
ты ихъ слухалъ, тай пиль и пиль горѣлочку,
ажъ рѣдного отца убилъ!

Другій духъ приступае, та сѣпнуль ему съ хребта шерсть, ажъ медвѣдь скурчился, та заревѣлъ.

— Можетъ бы ты напился горѣлочки? солодкой, чи гѣрькой? — Иной духъ поскакаль, зачерпнуль болотнистой воды въ збанокъ изъ млаки — прилѣтаютъ другіи духи роскрывають пащу медведью, та льютъ ему въ гортань ту съ жабюрками воду, та приговорюютъ: а правда? добра горѣлка?

Надивилися люди... надивили на различны псоты, що лѣсніи духи съ медведемъ выробляли.

Два духи прилетѣли къ нему, та молотками ковтаютъ ему по головѣ. Одинъ духъ каже: той дурный черепъ варто бы на прахъ розбити.

Другій духъ звѣдуеся — та чому—а первый каже: а чого же мозокъ въ томъ черепѣ? въ той дурной головѣ? чому позабыль на четверту заповѣдь Божу: „Чти отца и матерь твою“, значитъ: „будь ихъ розсказамъ послушный!“ А онъ якъ слухаль отца свого? Отецъ сказалъ: „Не пій сыну! не ходи до корчмы!“ А онъ такъ долго пиль... ажъ отця убилъ!

Другій духъ каже: Можетъ бы ему дати горѣлки?

— Ей.. онъ уже пиль нынѣ... дуже добра была, онде зъ млаки... цѣлый збанокъ выпиль... отразу — говоритъ первый духъ. — На нынѣ маємъ для него нову забавку.. треба ему троха руку покрутити.

Другій духъ, бере за лабу медведья, а першій духъ каже: то не tota! то не тою онъ замахнулся на отца! и взялися за другу лабу, оба духи, та крутятъ нею то въ одинъ бокъ, то въ другій... ажъ скобра скрипить, ажъ кости трѣщать, ажъ сами духи помучилися. Та першій духъ каже — буде уже, буде на памятку, що важился подняти руку на отца, а все то про горѣлку, а все то про корчму! га! самъ собѣ виненъ...

Оподаль стоявшіи два - три паробки всему придавлялися. Одинъ паробокъ держитъ зба-

нокъ съ чистою студеною водою, що несе для женцѣвъ, та и каже: пôду я, та полѣю бѣдному медведеви по головѣ. Та поливае поволи — мѣдвѣдь очи отвирае та такъ ласкаво поглянуль на паробка, якъ бы хотѣлъ сказать: дякую тебѣ! милосердный самарянине!

Дясятки, та и сотки лѣтъ минаютъ; новыи поколѣнья настаютъ... по пра-прадѣдахъ живутъ пра-правнуки, а о медведью все одна и та сама чутка изъ устъ до устъ переходитъ.

Часами мати а бо отецъ страшать дитину но-но, якъ не будешь слухати... отведу тя до медведя на службу. Дѣти боятся не такъ медведя, якъ тѣхъ лѣсныхъ духовъ, що медведя мучатъ. А въ селѣ настало такое право, що тамъ нѣкто горѣлки не пьетъ и корчмы тамъ не має.

ЧАСТЬ II.

Оповѣданье изъ нашихъ временъ.

I

Въ селѣ Ломна жили собѣ маючіи Дѣдъ и Баба, такъ бо ихъ въ селѣ называли. Но Дѣдъ писался Пилипъ Дѣдовъ а его жена звалася Марта.

Но ихъ не звали по именамъ, лишь Дѣдъ тай Баба. Въ нихъ были двѣ донцѣ - близнята, Фролька и Текля. Дѣти тоже кликали ихъ „Дѣду“, тай „Бабо“.

Якъ Дѣдовъ, такъ и его жена Марта были то робучіи люди. Онъ прекрасно обраблялъ поле та и свята русска землиця прекрасно ему родила. Марта же отлично вела домашное хозяйство. У ней и пацять и всякой живности полно: гусей, качокъ, курей — она и лилипудки*) тримае — они дуже добре несутся. А городовина яка у ней прекрасна! — петрушка, морковь, бураки, ка-

*) Маленькии куры.

пуста, проста и волоска, карафіолы, шпараги.. все тое знае она разводити, бо она служила пару лѣтъ у еймосцѣ, та и всего научилася. Теперь ей съ тымъ добра, бо одно, то другое везе въ городъ, та и грошикъ все мае за пазухой.

Но она его не змарнуе, нѣтъ! Говорить: волю купити загонъ землицѣ святой русской, та на Боже дати, а и на яку русску справу незабывати а въ потребѣ и бѣдному допомочи.

— Дѣти — каже баба — идѣть по трѣски, треба затопити. — Фрозя сорвалася, хватила за кошикъ, тай выбѣгла.

— Ты Теклюню не мусишь? — Каже баба.

— Эй! най Фролька принесе — отрекла Текля.

Фрозя насбирала трѣсокъ повный кошикъ, несе въ хижу, та пытаєся: Бабусь! може еще принести! Текля чѣмъ скорше пѣтхватали отпovѣсти: Та чему бы нѣтъ, чему бы нѣтъ! принеси еще.

Фрозя принесла еще кошикъ трѣсокъ а высыпавши ихъ пѣдъ печъ въ кутъ, пѣдмела помеломъ. Потомъ сѣла на землѣ по при Дѣду, который обстругує прутики. Бо Дѣдовъ, якъ часу ставало, выплѣталъ кошики. Фрозя же отдѣлює бѣленыи прутики и складає на боцѣ.

Въ хату вѣйшли двѣ кумы, Матвѣиха и Семениха. Поздоровившись со всѣми хилится Матвѣиха къ Фрольѣ, та обзирае ей лицико и каже: Тота, tota моя Фрозя.

— А вы якъ знаете, що то-та Фрозя, коли они таки еднаки, якъ одна, такъ друга — говоритъ Семениха.

Небойсь... я долго ихъ обзирала, то одну, то другу, бо я конче хотѣла, найти якій значокъ, щобы знати, которая моя покрасница — каже Матвѣиха.

— Ну! и маєте же знакъ? — мовить Семениха.

— Якъ, не маю? Маю! — отвѣчае Матвѣиха — ось де на лицику мае Фрозя малехонькій чорный перчикъ.

— А то-то, вы штудеръ-кума! кто бы то выгадалъ — мовить Семениха.

— Ей, каже Матвѣиха, тутки есть ще и другій знакъ! хоть бы тутъ и пять разъ на день прійти, то все Фрозя, Дѣвова дѣвка, при Дѣду сидитъ, та що Дѣдо робитъ, она помогае, а Текля, Бабина дѣвка, все при Бабѣ сидитъ, запаски держится.

Кумы та и всѣ захохотали.

Текля каже: Баба шіютъ мѣхи на огурки; я еще маленька, якъ буду велика, то буду Бабѣ помогати шити. А такихъ дуже огуркѣвъ Баба мають на загонахъ, ажъ страхъ, то и дуже треба мѣхѣвъ. Повезутъ до мѣста, а грошей привезутъ дуже, ажъ страхъ — розсказуе Текля.

— Ой, кобы то я знала, якъ треба коло огуркѣвъ ходити, у моихъ чогось такъ листье поожолкло, мало що завязокъ, та хоть тамъ и выхопится де якій огурокъ, та заразъ и пожолкне — жалуясь Семениха.

— Ба!... а чемусыте такъ не садили, якъ вамъ мовила — каже Баба.

— Ой-ой — мовить Матвѣиха — скажѣть Бабо скажѣть, най я чую, якъ коло огуркѣвъ ходити, та дастъ Господь дождати яри, такъ буду по вашому садити.

— Та... скажу, скажу... чemu бы нѣть, лишь добре выслушайте, та потому такъ робѣть, якъ я вамъ розповѣмъ. Мои загоны въ осени позгнены, спокладаны а за якихъ двѣ недѣли скороджены, боронены, та такъ вычищена земля, що не нашолъ бы въ ней корѣнця хабазу... та, потомъ и полотьбы не треба. На яри, якъ потеплѣе, поорють, поборонятъ, земля чиста, рыхла, пухка, ажъ мило, та и беруся до садженя огуркѣвъ. На двѣ стопы отъ конца загона, зазначу колѣсце на серединѣ загона; вотъ такъ велике то - то колѣсце, якъ денце отъ малои бочки, та и саджу по одному зернятіи довколо колѣсця, одно зерня отдалено на пядь отъ другого, а помѣстит-ся осемь або девять зернятъ довколо колѣсця; одно зерня посаджу еще въ саму середину колѣсця.

Потомъ отступаю на четыри стопы и зновъ

на серединѣ загона саджу такъ само въ колѣсце зернята огуркѣвъ. И зновь отступлю на четыри стопы и такъ само сажду чрезъ цѣлый загонъ ажъ до другого конца загона.

— Ой-ой! Бабо-кумо... та така мала сѣйба? може жмѣнка зернятъ-огуркѣвъ на цѣлый загонъ?

— договорюе Матвѣиха — та прецѣнь шкода, щобы земля дармо лежала!

— А, ба! та пождѣть кумонько най всё розскажу: На моихъ грядахъ загоны широки, борозды плыткіи, не подметаны а лишь продоптаны, бо якъ борозда глубока, то гряда скоро высыхае. Поздолжъ загона, на полтора пяди отъ краю саджу фасольку, по трое зернятъ въ ямку а ямка одна отъ другой на двѣ стопы отдалена, такъ саджу до конца загона. Тогда переходжу на другой бокъ, та зновь такъ само саджу фасольку а все позираю, щобы просто, напротивъ тамтой, на тамтому боцѣ посадженой фасольки садити.

— Ей, то-то еще богато порожнаго мѣстца — каже Матвѣиха.

— Но-но — говоритъ дальше Баба — де платокъ порожной землѣ, я тамки саджу розсаду простой або волоской капусты, або карафьола, ямки роблю глубоки, заструганымъ патыкомъ, щобы розсадку глубоко подъ листки всадити. Но кажду розсадку на три пяди и отъ другой розсады и отъ фасольки и отъ огуркѣвъ саджу.

— Ой, та такъ далеко одно отъ другого — кажа Семениха.

— А! незабываймо, то помежи то всё, будуть огурки, якъ батоги ростягатися — мовитъ Баба — якъ лишь огурки третій листокъ дѣстаютъ, опарпую ихъ пальцями и такъ поподгортаю помежи нихъ землю, що каждый кружокъ гей горбочокъ выглядает. А я ще забыла сказать, що самымъ краемъ загона саджу я бураки, на три пяди одинъ буракъ отъ другого.

— Ей, та оно назбиралося всякои всячины на загонѣ, ажъ любо бы было на такій загонъ подивитися — говоритъ Матвѣиха.

Баба каже дальше: фасольку я сейчасъ ты-

чу, якъ лишь трохи отъ землѣ отросте, а тыки такъ спохила затискаю, що тыка съ тыкою изъ тамтого боку загона, горою приближены къ собѣ. Фасоля пнеся по тыкахъ, вѣтеръ посплѣтае а часомъ и я жердкою, фасолю одной тыки съ другою, що напротивъ есть съ другой стороны загона, та пороблятся каблуки надъ загономъ и даютъ мѣрну тѣнь огуркамъ. Огурки не любять яркого солнця. Если дощъ не паде, то надъ вечеромъ поливаю гряды изъ бляшаной коновки черезъ ситце.

— Ба! та - то и не диво, що вамъ Бабо такъ все росте — говорить Матвѣиха. Спаси Богъ вамъ за науку я, дастъ Господь дождати яри, такой буду по вашому робити.

Кумы погостилившись — тамъ невелика гостина, вотъ такъ господарска — хлѣбъ, сыръ та куфлятко пива — одошли, благодаря за науку и гостину весело домѣвъ.

II.

— Дѣти! идѣть гуси завернути — кличе Дѣдовъ.

Фрозя сорвалась съ мѣстца и каже: ходи Текля!

Текля не рушаесь. Баба мовитъ: иди, иди Текля.

— Ой, Бабо, най Фролька сама иде, мене осьде палецъ болитъ..

— Де?... покажи!

— А, ось де! на руцѣ — всѣ захохотали. Баба каже та про палецъ на руцѣ, можешь ходити.

— Йой, Бабо! та я прута не вздержу, най Фролька сама иде.

— Ты Фролька чого стоишъ? — кликнулъ Дѣдо — бѣжи!

Фрозя выбѣгла, а Текля якъ сидѣла при Бабѣ такъ и сидитъ. Вотъ оно на ту шутку выходитъ, що тогда Матвѣиха сказала: „Бабина дѣвка, Текля при Бабѣ сидитъ, та запаски держится“.

Дѣвчатка Фрозя и Текля, якъ лишь подоросли, такъ заразъ Дѣдо записалъ ихъ до школы.

Ну, такъ ходятъ они до школы. Рано Фрозя встае, а якъ часомъ заспить, о! то не треба на ню два разы кликати, чѣмъ скорше встае, мыеся, чеше, помолится, поснѣдае, тай за книжки и бѣжитъ до школы, та кличе: Текля! та ходи! уже перезвонили, господинъ професоръ будуть гнѣватися, що позно прійдемо

— Якъ тобѣ такъ спѣшно, та иди. Якъ маю я ити, коли Баба, косы менѣ еще не сплела — каже Текля.

— Ба! а чemu же такъ долго спиши — мовить Фрозя.

— А чemu же ты такъ долго стоишъ? — кликнулъ Дѣдовъ — ты нерозумѣешь, що то значитъ назначена година, що то значитъ наказъ школьній, ты не знаешь отъ чого дзвѣнокъ есть на школѣ? Не идете обѣ на часъ, то иди хоть одна!
— Фрозя побѣгла.

Дѣдо пустился ити съ хаты и каже: Ой Бабо, Бабо, то-то не выйде на добро, що Текля не иде на часъ, до школы!

Баба мовить: тая такъ скоро косы сплѣтаю, ажъ менѣ руки трясутся. — Дѣдо затиснуль шапку на голову, га выйшолъ съ хаты.

По хвилѣ вернуль по сокѣру. Теклѣ уже не было, та заговорилъ: Бабо, моя, Бабо! ты сама винна, що тобѣ руки трясутся, коли помогаешь сбиратися Теклѣ! Не лучше же зѣгнати ю раньше, та сама дитина посбирала бы ся и на часъ въ школу зайшла и ты бы тѣмъ поспѣшнымъ сбирањемъ не намучилася.

— Тая то также такъ мѣркую, лишь менѣ дитини жаль — вотъ най тамъ трохи ще поспитъ, а ту уже и звонять, тай не можъ уже рады дати. Не сердись Дѣдусю нѣтъ! уже буду рано ю сганити.

А Дѣдо лишь подумалъ собѣ: но-но увидимъ якое то рано буде.

Дѣдо зналъ, що Баба добру волю мае рано Теклю зѣгнати, но и о тѣмъ зналъ, що Баба занадто любить Теклю и для того занадто ю розпускае и тому то сомнѣвался, чи Баба до-

держитъ слова, то есть, чи буде сгнанти рано
Теклю.

Но, увидимъ.... чи добре Дѣдо догадувался.

Одного дня каже Дѣдо: Пойду я до господина професора довѣдатись, якъ тамъ наши дѣвки учатся. Та и пôшолъ. Господинъ профессоръ перѣоджуются по городцѣ коло школы. Дѣдо приступилъ къ нимъ, и поклонившись каже: Слава Іисусу Христу.

— Слава во вѣки.. Слава и вамъ честный Дѣдовъ! и всѣмъ добрымъ людямъ! Що менѣ доброго скажете? Давно васъ я не видалъ.

— Прошу, господинъ професоръ, кобъ не прогнѣвати — я пришолъ довѣдатись, якъ тутки мои дѣвки справуются, та чи добре учатся?

— Ой, я бы то радъ, кобы то о нашихъ школьныхъ дѣточкахъ, самое доброе можъ сказать. Та въ школѣ ваши обѣ дѣвчатка дуже добре ведутся, спокойно сидятъ, не бесѣдують, не галасуютъ, тихо уважаютъ на науку. Фрозя учится прекрасно и пильно, такъ, що я есмь вполнѣ задоволенъ. Текля же зле робить, що такъ все опоздає. Уже наука иде — а моя Теклюня доперва входитъ до клясы. Изъ того одно зло, що перервется ея входомъ наука, а другое, того, о чемъ была уже научна мова, она не чула, а такъ має страту въ науцѣ, а она и такъ слабонько учится. Буде мусѣла въ той самой клясѣ лишитися и на другой рѣкѣ.

— Я уже такого и сподѣвался... бѣдоныжай то моя, бо менѣ стыдно казати... менѣ годѣ съ моёвъ бабовъ до конца дойти...! такъ надмѣрно любить Теклю, такъ ю розпустила, розпестила, ще отъ мала, що теперь годѣ раду дати.

— Такъ то такъ — говорить господинъ професоръ — найважнѣйше есть, отъ самой маленьности дитину до послуху наломити, дитинѣ не дати дармо сидѣти, то яку забавку дати дитинѣ въ руки, то тамъ яку легоньку роботу, таку, що отъ ней силы дитинѣ дужѣютъ, а все на то смотрѣти, щобы дитина была затруднена, та щобы до лѣнивства не навыкла.

Ой! кобы то наши мамы той науки послу-

хали, та ведля неи дѣтей выховували, та потомъ съ дорослыми дѣтьми, не мали бы клопоту, та грызоты !

Дѣдовъ поклонившись, каже: отдаю и на дальше мои дѣти вашой милостивой опѣцѣ, та и прошу покарати ихъ, якъ на то заслужать!

— Най остаютъ здравы, господинъ професоръ.

— Отходѣтъ здравы съ Богомъ — сказалъ господинъ професоръ.

III.

— Фрозя! ты де была? — звѣдуесь Дѣдовъ.

— Прошу Дѣдо, я гряды поливала.

— Кто жъ тебѣ сказалъ?

— Нѣкто, прошу Дѣдусю.. я сама вышла... дивлюсь а то такъ сухо, взяла коновку та поливала загоны.

— О, то-то... я и не сподѣвался, що моя доня така мудра.

— А щожъ сталося .. прошу Дѣдусю!

— А! якже то?... то ты ще не знаешь, що доки солнце ярко свѣтить, всякое ростѣнье, то есть всьо, що росте на грядахъ, есть дуже розпечене и що тогда поливати не треба! бо то шкодитъ всякому ростѣнью; огуркамъ, фасолѣ, но... и всякому другому!... ажъ о заходѣ солнця, якъ земля охолоднѣе, належится по грядахъ поливати, а... ты задачу написала?

— Нѣть ще, прошу Дѣдусю, я сейчасъ напишу.

— Ось... то маешь... робота... добра... всё на вспакъ свѣтъ... якъ солнечна спекота, то она гряды поливае, а якъ уже шарѣе, то она задачу пиш... о! дуже розумно... о шарой годинѣ писатислѣпти, та очи псовати. Ей, чуешь, щось то тебѣ наука не въ головѣ.

— Ей Дѣдусю... Дѣдусю! я пильнуюся. Я уже буду пильнуватись.

— Смотри, пильнуйся... предовсемъ, школьну роботу поробити; хибань якъ тамъ часомъ.

якая нагла домашняя робота выпаде, наказую то-
бъ, пильнуйся, будешь видѣла... заведу тя въ лѣсъ
до медведя на службу.

— Ой-ой! Дѣдусечку... я вже буду, буду
пильнуватись и всѣ буду такъ робити, якъ мнѣ
приказуете!

И въ самомъ дѣлѣ Фрозя была послушна
и Бабѣ и Дѣдови. Господинъ професоръ были
изъ ея науки всегда задоволены, бо она изъ
всѣхъ школьнрѣвъ и школьнрокъ найлучше училася.

А такъ ишла Фрозя рѣкъ за рокомъ до выс-
шой клясы, та и счастливо покончила школу.

Текля же ходить еще до школы, бо якъ
знаемо, ей трафлялося и по два рочки посидѣ-
ти въ одной клясѣ.

Баба мае теперь велику помочь изъ Фrozѣ.
Фrozя бо и коло дробю походитъ и всѣ поряд-
ки въ хатѣ поробить, и коровы подоить. Ну!...
пришолъ часъ до жнива ити. Бѣда — зъ разу
поволи иде жатьба Фrozина, но вскорѣ наломи-
лася, та незадолго и другихъ перебѣгае.

Одного дня, коли сидѣли всѣ при полуден-
ку, заговориль Дѣдовъ: Бабо! а колиже пове-
дешь Фrozю до еймосцѣ?

— Йой! Дѣдусю, я вже напугалася, шо каже-
те провадити мене до лѣса — усмѣхнувшись ка-
же Фrozя.

Дѣдовъ — тоже усмѣхнувся, каже: Эй, до
лѣса то я вже самъ, сохрани Богъ, тебе заведу,
теперь пôдешь до еймосцѣ на службу.

— Ой! менѣ такъ добре съ Фrozьевъ, во всѣмъ
мнѣ помогае, та я ею коли нибудь заведу, хотъ-
бы и нынѣ — приговорюе Баба.

— Добре! най буде нынѣ, чѣмъ скорше, тѣмъ
лучше! Не только свѣтла, шо зъ окна видко!
Поти межи добрыи люди, та и свѣтла и науки
домашней набереся — говоритъ Дѣдовъ — та..
будешь просити, щобы Фrozю на три роки при-
няли.

— А яку же плату требувати отъ еймосцѣ? —
спросила Баба.

— Бабо! а тобѣ що Богъ даль за гадку! Та я бы гандричиль съ ними о плату?... Бабо моя, менѣ не о плату ходить, я ею не про плату изъ дому даю, а про то, щобы она свѣта бôльше видѣла, та науки домашней та свѣтовой набрала.

По полуденку, собравши лучше шматъя на себе, пôшли Баба и Фрозя на поповство. Дѣдовъ отвелъ ихъ ажъ до воротъ. А коли Фрозя, ще разъ цѣлуе Дѣда по рукахъ, онъ каже: Смотри Доню моя! якъ бы ты мнѣ лишь разъ ганьбу зробила, якъ бы ты разъ еймосцѣ не послухала и роботу не такъ зробила, якъ они наказали, такъ тямъ собѣ, що тебе „лѣсь“ не мине!

— Дорогій Дѣдусю! — каже Фrozя — я такъ буду все еймосцѣ слухати, и такъ все робити, якъ вы Дѣдусю и вы Бабо мене навчили.

— А не забывай о томъ, Фrozя, що менѣ на томъ залежить, щобы ты навчилася хусты прати, полотно бѣлити, ладно сорочку вшити, ъсти варити, та съ людьми красно обходитися, старшихъ шанувати, а съ кѣмъ-нибудь не приставати, но идѣть съ Господомъ Богомъ, идѣть! Такъ и пôшли.

За якій часъ вертае наша Баба. Дѣдовъ рубаль на подвѣрю дрова, якъ узрѣлъ Бабу, шпурнуль сокѣру, та иде къ Бабѣ. А що Бабо? приняли еймосць нашу дѣвку?

— Ей, приняли, приняли — отвѣчае Баба — тай говорить: мы вѣйшли до пекарнѣ, та я кажу до дѣвки, чи не можно бы съ еймосцёвъ видѣти ся? — Дѣвка пôшла до нихъ до свѣтлицѣ, а вернувшись говоритъ: Казали, щобысте къ нимъ ишли въ свѣтлицю. Мы вѣйшовши привитались красно, а еймосць кажуть: Що вы, Бабо, доброго мнѣ скажете? Я поклонилась, тай мовлю: Я привела нашу дѣвку Фрозю, та мы обое я и Дѣдовъ просимо, щобы еймосць были ласкавы принятию на службу. А еймосць кажуть: вы даете Фрозю на службу, а прецѣнь у васъ дома есть досыть роботы коло газдovства? Та я говорю: та есть, прошу еймосцѣ, роботы досыть есть, но прошу еймосцѣ, м旣й газда каже: у насъ все по старому, по хлопски робится, все по старому:

такъ мőй батько робиль... такъ и я буду робити. А тѣмчасомъ подивитися треба по свѣту. Мőй былъ при войску, та видѣлъ якъ то въ другихъ краяхъ и то-то и иное на новыи способы робятъ, та изъ всѣго лучшій якъ мы пожитокъ мають. Та тому то просимо, щобы еймосць были ласкавы принятию на службу. Еймосць кажутъ: я тѣшуся и дуже радо прїмаю таку добру роботницю — а я мовлю: та она тамъ не така добра роботница! Ой-ой! — кажутъ еймосць — бабо честна! Знаютъ сосѣди, якъ кто сидить. А всѣ ваши сосѣди выхвалюють Фрозю; а прецѣнь и я еи роботу видѣла, тажь неразъ была она у насть на роботѣ, а и тогда на толоку она вышла. Та якъ еймосць ласкавы — кажу я — то я еѣ лишу — а еймосць мовять: Лишѣтъ, лишѣтъ мнѣ Фрозю... я знаю на передъ, що она мнѣ буде добра и жичлива... а о платню не журѣтъ... якъ буде менѣ робити, такъ я еи буду платити.

IV.

О Теклѣ не маемъ що много сказать; бо Текля... якъ Текля... вѣсно по своему, щоб хотѣла, то робила и такъ робила, якъ хотѣла. До школы долго ходила, бо якъ уже знаемо, по два роки въ одной клясцѣ сидѣла а послѣднѣго року даже недокбончила.

Одного дня каже: Ой Бабусь... Бабусь... мене такъ дуже все голова болитъ, що вже вытритати не могу.. а то всѣ изъ проклятої науки. Якъ не має болѣти голова? Тольки роковъ ходжу и ходжу до той проклятої школы, ажъ страхъ... подумати — а по хвили каже: Иой Ба-бо! я вже бѣльше не пойду до школы.

А Баба каже: та не иди, коли такъ голова болить.

Дѣдовъ дуже разсердился, не сказалъ ни слова, лишь шапку затиснувъ на головѣ и скоро выйшолъ изъ хаты и дверьми лопнулъ, що ажъ шибы забренѣли.

Та ще только можно сказать, що у Текли

была зла натура, бо она была лѣнива до роботы, была лѣнива до науки — а що найбôльше зло, то то, що любила неправду сказати! А не было нѣкого, щобы еѣ самоволю поскромилъ и на правильный путь навернуль. Но слѣпа, надмѣрна любовь Бабы, не допустила, щобы она познала ту злу натуру Теклину.

Дѣдовъ же не хотѣлъ быти вѣчно въ суперечцѣ съ Бабовъ, та вже для святого спокою на всѣ молчалъ.

Фрозѣ дуже добре поводится. Еймосць суть вполнѣ задоволены изъ еї роботы. Фрозя бо вскорѣ смѣркувала собѣ способъ еймосцѣнной работы, знала, якъ собѣ часъ подѣлити, що впередъ треба зробити, а що можно на потомъ отложити. Неразъ и такое случилось, що Фрозя выпередила еймосцѣну гадку.

Еймосць кажутъ: Знаешь Фрозю! теперь треба бы масло зробити.

— Прошу еймосцѣ, сейчасъ буду робити, я вже сметану позбирава, така молоденька сметана, буде доброе масло, буду, прошу еймосцѣ, такой въ пивницѣ на холодку робити, щобы незаробити, та щобы твердое масло было. Прошу еймосцѣ, еймосць добре кажутъ, що такой лучше есть въ малой боденцѣ масло робити, а частѣйше — такой що третій день зъ молодой сметаны.

Якось то недолго якъ Фрозя на службу настала, казали еймосць три телички присадити та и кажутъ: Слухай Фрозя, пильнуй телятъ, дозирай ихъ добре, котре буде ладнѣйше буде твоє, возьмешь его съ собою домовъ.

Часъ на часѣ не стоитъ, година за годиновъ, день за дниновъ летить!.. да! и не знати, якъ и коли минули рѣкъ за рокомъ, а и третій уже кончится, отъ коли Фрозя у еймосцѣ на службу настала.

Одного дня заговорили еймосць: Ей, Фрозя, Фрозя! ты може и не знаешь, що завтра, уже завтра кончится третій рѣкъ, отъ коли ты до насъ настала. Менѣ жаль буде за тобовъ... я

такъ до тебе привыкла. Но щожь робити, мы мусимо розстatisя.

Фроя цѣлуе еймосць въ руку и каже: я вже неразъ заплакала, менѣ нѣгде такъ добре не буде, якъ менѣ тутки было. А слеза покотилась ей по лицу. И еймосць закрутилась слеза въ оцѣ. Тобѣ Фроя всюда добре буде, бо ты добра — каже еймосць — а доброму всюда добре буде, впрочемъ ты домовъ идешь — пословица каже: всюда добре, а дома найлучше! Дай уже Фроя Бабѣ знати, щобы по завтра по тебе вышли.

— Га! щожь робити — каже Фроя жалостнымъ голосомъ — лишь то мене потѣшае, що Бабѣ легче буде, якъ я дома буду.

— А выбері же собѣ ялѣвку, котра найладнѣйша.

— Йой-йой! — прошу еймосць, та на правду?

— Выбирай, котру хочешь! — кажутъ еймосць — они всѣ красны, бо ты добре коло нихъ ходила.

— Та я ихъ каждый день чесала, поила, кормила такъ якъ всю другу худобу, такъ, якъ еймосць наказали.

— Но-но, котру же ялѣвку собѣ возмешь?... кажи! бѣлошку, чернульку, чи красульку?

Фроя припала еймосць до колѣнъ, та каже: прошу еймосць! якъ еймосць роскажуть, то я прошу о красульку!

— Най буде твоя воля, Фроя! а дозирай же и дома такъ, якъ тутки дозиралась, та смотри, щѣбысь зъ ней пожитокъ мала

По завтра пришла Баба и принесла для ма- лои паннусѣ двое лилипудкѣвъ, когутика и курочки, а еймосць кажутъ: та на що вы, моя Ба- бо, таку шкоду собѣ робите?

— Ей! та я не смѣла нести, а м旤й газда каже: „Неси... неси! то такое ладное, та ласковое, ма- ленька паннуся будутъ мали утѣху. Я не знаю, якъ-то маю вамъ ласкова мосционю дяковати за

науку, та за вāше добродѣйство для нашей Фрозѣ". Та кланяется та цѣлуе по рукахъ.

— Я еѣ осмѣдомляла при каждой роботѣ, щобы навчилася нового способу, якимъ бы ту а другую роботу легче можно зробити — каже еймосць — и я буду тѣшитися дуже, если Фрозя буде моей науки держатися. Выведи же Фрозю ялѣвку, та покажи бабѣ, що ты собѣ выховала, та и веди еѣ домовъ.

— Прошу Бабо, держѣть ось-де тлумакъ съ моими хустами, що мнѣ еймосць насправляли. Фрозя поклонилась еймосцѣ до колѣнъ, слезы котятся ей по лицю.

— Бывай мнѣ здорова, моя Фрозю, най Богъ провадитъ — каже имосць и всунули ей въ жменю споро грошикѣвъ.

Якъ ишли, Баба тлумакъ несе, Фрозя веде товарину, а декто при дорозѣ спрашиваве: А чія то така красна ялѣвка? А Баба каже: Та Фрозина, заслужила собѣ у еймосцѣ.

V.

Фрозя дома, робить все на такій способѣ, якъ еї еймосць вчила. Худобу чеше греблицевъ, каждый день рано, и худоба ладнѣйша робится, а коровы бôльше молока даютъ.

Пришлося полотно бѣлити. Фрозя не лопкае по полотнѣ праникомъ черезъ пôлъ дня якъ то звычайно робятъ, такъ що отгомонъ ажъ по селѣ роздается, бо такое сильное пранье ослабляе полотно. Фрозя розтягає помачаное полотно ще ранкомъ поросѣ подъ солнце, або и пôдъ дощъ.

Якъ лишь на солнцѣ полотно высхло, Фрозя сейчасъ бѣжитъ помачати его, щобы чимъ скорше бѣлилося.

Разъ на тыждень Фрозя робить мôцный лугъ зъ чистого пепелу, якъ вже выстоялся, процѣдитъ его и въ томъ холодн ôмъ лугу замочить полотно на цѣлу нôчъ. Часомъ разъ-два покле-

пче праникомъ по полотнѣ, та и сполоче его въ рѣцѣ.

Одной недѣлѣ пришолъ газда-кумъ Семенъ, та засѣвши собѣ зѣ Дѣдомъ, балакаютъ собѣ то о томъ то о семъ. Дѣдовъ свернулся къ Бабѣ и каже: Можетъ бы тамъ нашлася флящина пива? Фрозя, поставъ куфлики, та дай хлѣбъ, сыръ на столъ.

Баба вынесла флящину пива изъ пивницѣ, Фрозя несе хлѣбъ, сыръ изъ коморы, та каже: Текля, накрый столъ скатертю*).

Текля не рушившись съ мѣстця, промовляе Я не знаю, де обруса глядати.

— Фрозя поставивши въ кутѣ хлѣбъ, сыръ, поскочила и вынявши обрусь изъ скринѣ, накрывае столъ, ставить хлѣбъ, сыръ на столъ, та и трое куфлядкѣ подае.

Дѣдо поналивалъ пива, одинъ куфликъ ставить передъ кумомъ, другій передъ Бабой, третій же бере передъ себѣ и говоритъ: А дѣвкамъ же?

Баба каже: Наши дѣвки, не пьють!

Текля присуваесь до стола, мовитъ; А я бы ся напила.

Баба каже: Но-но, якъ ся лишить, то достанешь.

А Дѣдо каже: Но-но, ще маешь часть на питье пива.

Кумъ Семенъ заговорилъ: Мой Олекса щось тамъ читалъ въ газетѣ, що буде обще собраніе Качковскаго, а я того не разумѣль. Кобы вы, куме Дѣдовъ, менѣ то розъяснили.

— Обще собраніе Общества им. Качковскаго — каже Дѣдовъ — есть таке, що члены того Общества сходятся — вольно и нечленамъ прйти — въ назначенный городъ. На самъ передъ весь народъ сойдеся въ церкви. Есть прекрасна отправа, богослуженье, прехороша проповѣдь, а по сконченомъ богослуженью идутъ съ прапо-

*) Обрусь — кажутъ где куда.

ромъ на передъ и ведутъ весь народъ въ назна-
чене на нараду мѣстце.

Тамто держигъ наша русская старшина прекрасны поучительны бесѣды, часомъ найдет-
ся и мудрый хлопъ, та що мудрого скаже, а ча-
сомъ и сельская баба де-що приповѣсть. Вече-
ромъ старшіи студенты даютъ концертъ, то есть
граютъ на инструментахъ и спѣвають. Потому
снова театръ граютъ. Правду сказать, мене чу-
дуе, що вы, куме Семене не были ще на такомъ
собранью, та що не есте членомъ того Обще-
ства.

— Я вже неразъо тѣмъ думалъ, но не знаю,
якъ до того взятия, — говоритъ Семенъ.

Дѣдовъ же говоритъ: Треба послати почто-
вымъ переказомъ до Львова до канцеляріи Об-
щества им. Качковскаго ул. Валова 14. 2 кор., и
на другой сторонѣ, на тѣмъ крайчику переказа,
що его оттинаютъ, написати, що вы хотите при-
ступити въ члены того Общества, подпісатися и
село назвати и почту. Потомъ будете побирати
поучительны книжечки съ той канцеляріи. Я вже
не разъ былъ на такомъ общомъ собранью а
разъ вже и наша Фролька была на такомъ со-
бранью.

— Съ вами? — каже кумъ-Семенъ.

— Нѣтъ, не съ Дѣдомъ я была — каже Фроль-
ка — но тогда, якъ у моей доброй еймосцунѣ
была. Всѣ ъхали, егомосць, еймосць и обѣ стар-
шіи панночки на общое собранье им. Качковско-
го до Сtryя, та мои добрыи еймосць и мене взя-
ли. Ой то-то я тамъ надивилася, а было на що
бо тогда посвящали прапоръ того Общества.
Сдвигъ народа — годѣ перебратись — наразъ;
обзираюсь на всѣ стороны, нѣгде нашей еймо-
сцѣ съ панночками не видко; я такъ отъ нихъ
якось то затратилася Дивлюсь, якаясь пани иде
попередъ мене, та иду за нею и думаю, може я
тамъ де нашихъ стрѣчу. Пани перебираесь че-
резъ товпу народа, а я за ними, а все слышу я-
коесъ ковтанье. Пани станула, я вже близко къ
ней подошла, поклонилась, та кажу: Перепра-
шаю паню дуже, если спытаю, на що тамъ такъ

ковтаютъ? — Панѣ кажутъ: Дивись, стань на пальцѣ — видишь, дружокъ? На дружку прибываютъ гвозди. То прaporъ Общества им. Михаила Качковскаго. Нынѣ будуть его посвящати. Старшина наша ухвалила, щобы, кто хоче, зложилъ гроши, то для него дадутъ выбити медаликъ съ его именемъ на памятку. Подъ сподомъ того медалика есть маленький гвоздикъ а такъ дасться той медаликъ прибити въ дружокъ. Въ ту въ хвилю кликнули якоесъ имя а пани скоро тамъ приступила и щось сказала, но про гамбръ я не дочула. Тутъ на разъ я увидѣла мою еймосць и уже отъ нихъ не отступала.

По хвилѣ Дѣдовъ заговорилъ: хотѣли бы мы поминки справити, а тутъ плоты повалились, незнаноныки, коли то я ихъ съ моими трема бабами погороджу.

— Ей... та чей бы хлопа въ селѣ вже не стало щобы бабы плоты городили — усмѣхнувшись каже кумъ Семенъ — та кажѣтъ, куме Дѣдовъ, коли? та я выйду съ моимъ Федоромъ на толоку ваши плоты городити.

— Не знаю, коли бы вы часъ мали — каже Дѣдовъ.

— Хоть бы и завтра — отвѣчае Семенъ.

— Ну, та якъ ваша ласка, то прошу васъ и Федора на завтра. — Выходячого Семена отвелъ до ворогъ, та ще сказалъ: А на поминки буду васъ просити за просатара, чей не отмовите!

— Добре, добре... та где бы я вамъ въ чомъ отмовилъ — сказалъ Семенъ, та выйшолъ.

VI.

— Я вчера — говоритъ Фрозя — стрѣтила паннусю Олю, тамки при ихъ садѣ; тѣшилися, що тыми днями пріѣдутъ до нихъ гостѣ, два священники, ихъ вуйки, та пару день забавлять, та буде веселѣйше.

За хвилю Дѣдовъ каже: А знаешь, Бабо, яка мнѣ гадка на мысль приходитъ?

— Та що такое? — мовитъ Баба.

— Та то-то, шото прекрасно бы было, щобы мы на той часъ сладились съ нашими поминками, бо я бы тыхъ егомосцевъ на соборну службу Божу запросилъ; щожъ ты, Бабо моя, кажешь на тое:

— Та певно, що то прекрасно бы было — отвѣтаетъ Баба.

— Лишь якъ бы то-то сладити? — говоритъ Дѣдовъ — чи такъ, чи сякъ, намъ съ Фрозёвъ треба до мѣста ѿхати, щобы въсю покупити. Ты, Фрозя, посписуй собѣ, що треба изъ склепу купити, бо и еймосць и панночки запросимо на обѣдъ, а ще, якъ будуть два чужіи священники, то смотри, щобы ты не постыдалась. Я же куплю чвертёвку пива и вино. Ино теперь не знаю, сколько бутылекъ, бо якъ бы были тіи гости, тѣ два священники, то на парастасъ потреба четыре бутельки поставити, три для священниковъ, одна для дьяка, а потомъ до обѣда также три бутельки треба.

— Мнѣ ся видить — каже Баба — що изъ всѣго, треба тобѣ Дѣду, на самъ передъ до егомосця зйти, та поговорити.

— Твоя правда, Бабо, я такой нынѣ къ нимъ зайду.

Дѣдовъ пойшолъ къ священнику, а вернувшись каже: Все добре иде. Гостѣ, два священники пріѣдутъ за три дни и забавлять со три дни, я уже просилъ о соборну службу Божу съ парастасомъ и я поклалъ на столѣ для нашего егомосця десять коронъ а для гостей священниковъ по шесть коронъ на то богомольное Богослуженье. Я просилъ, щобы по богослуженью зволили прибыти съ гостями, священниками, та пойшолъ я тоже еймосць и панну запросити. Еймосць сказали: добре, добре, я и Оля прійдемо. Тося щось нездорова, то не може прійти, а мала Фильца буде пильнувати слабой сестрички, та своихъ лилипудкѣвъ. Чудо, що дитина съ тими курками выробляє, бо то такое тихое, ласкавое — що хвиля ихъ кормитъ, то зновъ завивае, та спати кладе въ кошичокъ за печь, щобы имъ тепло было. Тѣшитъ мене, що я паннусѣ Фильца

таку втѣху зробилъ, бо моя несмѣла нести тіи куры, я ю намовиль, теперь треба бы намъ порадитись, якъ часъ подѣлити, що впередъ робити и якъ братися до тои роботы.

Баба каже: менѣ ся видить, що на самъ передъ треба ъхати до мѣста, то есть завтра, а позавтра корову зарѣзати.

А не буде то за вчасно, не попсуеся — мовитъ Дѣдо.

Нѣть Дѣдусю — каже Фрозя — треба, щобы мясо скрушало. Якъ рѣзникъ разрубає на четвертки и якъ мясо обосхне, повѣщаємо въ пивницѣ на гакахъ по стѣнѣ, а и дробъ треба раньше порѣзати и очищенное также на стѣнѣ повѣшати, най крушѣе на холодку, продушины*) въ пивницѣ поїттикати, щобы провѣвно было, но щобъ не забыти — каже Баба — краты въ вѣконняхъ треба позакладати та посмѣхуєсь додає — щобы намъ коты въ пивницу не загостили.

— Слухайте но людоњки, — по хвилѣ заговорильт Дѣдовъ — гей! щобы на паннусѣ не забыти. Фrozя! въ день поминокъ, щобы ты такой рано вынесла кусень мяса, грудку масла, гуску, качку, курку, повну миску, не жалуй, та кухарка паннусямъ обѣдъ бы зварила.

— Ой, Дѣдусечку! та я бы имъ жалувала, та еймосць такъ мою душу просвѣтили, що теперь все иначе понимаю.

— Но но! все то-то я виджу и радуюсь дуже, но Фрозунцю! поставъ же ся, щобы ты добрый, та смачный обѣдъ для ихмосцевъ сварила. — По хвилѣ прибавляє: якъ найскорше треба намъ спѣшитись, щобъ я мoggъ завчасу дати знати, на который день, та егомосць задержать намъ уже тотъ день, хоть бы кто другій просилъ. Положу на столѣ на паастасъ по одной коронѣ для каждого егомостя.

Все повелося прекрасно, все такъ, якъ собѣ укладали Баба Дѣдо и Фrozя.

Въ церкви торжественное богослуженье: соборна служба Божа, соборный паастасъ. Пѣ-

*) люфта.

ніе прекрасне, бо хоръ вправный а въ декото-
рыхъ пѣсняхъ весь народъ спѣвае. До того все-
го еще одна несподѣванка: надъ вечеромъ пе-
редъ самыми поминками, ѳде ктось дорогою, що
скручась до поповства. Фрозя вчула туркотъ,
бо дорога тата иде по при ихъ хату, выглянула,
та кликнула: ой, нашей егомосцѣ братъ, той свя-
щенникъ, прїхалъ.

Дѣдовъ хвилю подумалъ, та пôшолъ въ ко-
мору. Незадолго выходитъ, ладно загорненый и
ничъ не говорячи выходитъ изъ хаты.

Пôшовъ.. де? На поповство. Въ кухнѣ
спросилъ чи мôбъ бы до егомосця до канцеля-
ріи пôти?

Слуга пôшла, а вернувши каже: можно,
вамъ ити.

Дѣдовъ поклонившись, поцѣливалъ егомо-
сця въ руку и каже: я бы ще о щось просиль.

— Та кажѣть для васъ я всё, ѩо лишь можно,
зроблю.

— Передъ хвилевъ — каже Дѣдовъ — прїха-
ли братъ нашей еимосцѣ, та я бы дуже а дуже
просиль — и кладе восёмь коронъ на столъ —
щобы тѣ егомосць мали на поминкахъ завтра
н ауку!

— Гмъ! я не могу знати -- кажутъ егомосць.

— Прошу егомосцѣ, вставитися за мене, та
просити ихъ; то бы мене дуже тѣшило, то бы
вже ладны поминки були!

Егомосць пôшли а за недовго вернувши ка-
жутъ: бни троха змучены съ дороги, но и я и
егомосць просили, та вже казали, ѩобысьте бы-
ли спокойны, ѩо по святому евангелію на слу-
жбѣ Божій будуть держати проповѣдь.

Ну! и была проповѣдь а така красна, а та-
ка прочувствованна, ѩо неодному слеза по лицю
покотилась. Богомольна въ церкви отправа была
торжественна, не менше и гостина была добра и
славна. Правду сказавши, Фrozя такій хороший,
вкусный обѣдъ для имосцёвъ наварила, ѩо
священники-гостѣ звѣдувались, якій-то кухаръ
изъ мѣста обѣдъ той варилъ. Для людей же по-
магали Бабѣ кумы Семениха и Матвѣиха обѣдъ

варити та до столовъ доносити. Дѣдовъ при-
прашаль гостей сердечно а и просатарѣ принуки
додавали Гостина ишла весело; гостѣ собѣ ба-
лакали — декто о томъ, що въ газетахъ читаль,
де-кто о томъ, що де на якомъ вѣчу чуваль.
Текля тоже забавлялась и всего покушала; одно
похвалила, другое поганила, а що ей лучше сма-
кувало, цѣлою губою заѣдала.

VII.

Въ зимѣ ходили дѣвки и паробки на вечер-
ницѣ, та пряли на перестижь, кто гладшу нитку
и повнѣйше веретено скорше напряде. Потомъ
по троха и забавлялися — тай такъ зима весело
минула.

Надѣшолъ святый Великденъ.. а далѣй и
веселый обливаный понедѣлокъ.

Паробки идутъ селомъ та кличутъ? дѣвки!
дѣвки! бѣжѣтъ съ коновками до рѣки. Межи
ними есть Федоръ Семеновъ, есть и Юрко. Его
отецъ уже не живе, та онъ при мамѣ своей га-
здуе.

Федоръ каже: Гриньку, дайно менѣ твою
сикавочку, най я разъ пущу межи нихъ капку
воды. Тай несподѣвано, бо такъ изъ по за па-
робкѣвъ пустиль струю води межи дѣвки.

Дѣвки захохотали, закричали.

А що-то, мы не маємъ коновокъ? — та
хлюстъ водою, то одна, то друга межи па-
робкѣвъ.

По хвилѣ Юрко говоритъ: Фрольки чогось
не видно.

А диви.. онде иде съ Матвѣишиновъ Ган-
ковъ — каже Федоръ.

Надошли три паробки, що перебываютъ въ
мѣстѣ, то на роботѣ, то въ службѣ, та теперь
выпросились ити на свята домовъ. Одинъ газда
заговорилъ до паробкѣвъ: Гей мѣщане! та роз-
казуйте намъ, що тамъ въ мѣстѣ доброго чу-
вати?

Одинъ паробокъ каже: кобы то было що доброго казати.

Газда мовитъ: може чулисъте дещо о соймѣ? чи далъ соймѣ для Общества Качковскаго яку запомогу? прецѣнь народъ платить податокъ для края, то и край долженъ бы народу въ помочь прйтти.

— Що тамъ въ соймѣ, то я нѣчого не знаю, но знаю одну бѣду русскую. Знаю, что русское имя въ такой поневѣрцѣ теперь, что вже и вытимати не можь. Выдираютъ намъ наше святое русское имя, выдираютъ таки тутки на нашей русской землицѣ. Прошу я одного пана, може бы мене принялъ на роботу, на службу, а панъ каже: добра, добра, чи ты полякъ? Прошу пана, я русскій! — кажу я. А панъ каже: перейди на польске, то достанешь службу... Иой! прошу пана, хоть бы пришлось менѣ изъ голоду сгинути, хотьбы менѣ пришло камѣнь зубами товчи, то я моей русской вѣры, моего русскаго имени не покину. Панъ розсердившись, каже: Коли ты русскій, то рушай собѣ за дверцѣ.

— Мене — каже другій паробокъ — вотъ такое стрѣтило. Прійшолъ я до пана, поклонился, тай мовлю: я глядаю службы, та чуль, что тутки есть така служба, что я безпечно знаю ту роботу, то прошу пана, щобы были ласкавы, мене приняти. — Панъ каже: о то дуже добра, бо мы точно глядаемъ такого паробка, щобы зналъ роботу и щобы можно безпечно на него спуститися. Ты полякъ? — Я кажу: нѣть! прошу пана, я русскій. Тогда панъ сказалъ: коли ты русскій, то иди собѣ до русиновъ... Бывай здоровъ. Я пошолъ, но заплакалъ горькими слезами. Бѣдная доля русина...

Дѣдовъ заговорилъ: може то милостивый Господь Богъ, ссылае на насъ такіи тяжкіи часы лишь для пробы, чи здужаемо стояти твердо при нашей святой русской вѣрѣ, щобъ статися достойными быти и статися русскимъ народомъ. А если такъ буде, то милостивый Господь Богъ умилосердится надъ нами и просвѣтить нашихъ противниковъ и они дадуть намъ на нашей русской землѣ по Божему жити.

— Предки наши — отзвался газда Матвѣй — дознавали великіи переслѣдованья за святу русску вѣру, однакъ не отступали отъ неи.

Въ той хвилѣ дался чути якійсь гаморъ. А то летятъ дѣтиска, що были при рѣцѣ, та кричатъ: утопили... утопили еѣ паробки.

Все, що жило, сорвалось на ноги, та кричуть: кого паробки втопили? кого? — Дѣти отвѣчають: та Фрозю втопили, Фрозю втопили.

Весь народъ рунувъ къ рѣцѣ бѣжати. Дѣдовъ и Баба летятъ сколько силь стае.

Намъ треба съ оповѣданьемъ вернутись до той минуты, якъ надъ рѣкою Юрко сказалъ: Фрozyки чогось не видко, а Федоръ сказалъ? диви, диви, онде идутъ съ Матвѣевовъ Ганковъ. Якъ они обѣ приблизились, мовитъ Юрко: та, Фрозю? та чому же ты такъ довго не приходишъ? — А моргнувши на Федора, порывае ю за плачи, Федоръ за ноги, размахали, тай гуль нею въ рѣку.

Дѣвки скричали, охнули, и ихъ ужасъ усилился, когда она не выплынула на верхъ. Чогось еи не видко? чомужъ не плавае — кричали одни — вода понесла еї въ долину — кажутъ другіи — тай всѣ поступаютъ въ долину, дивляться, а Фрozy якъ нѣтъ, такъ нѣтъ! — Втопили дѣвку! втопили Фрозю, Юрко пôдешъ въ криминаль — озвались голосы. — Дѣти бѣжутъ къ церкви съ крикомъ: Фрozyку втопили, Фрozyку втопили!

Ганка подивившись за дѣтьми, сплеснула въ руки, та восклицае: Славажъ Тобѣ Господи! Фрozyка стоитъ онде при Семеновой хатѣ, вотъ Семениха тягне еї въ хату.

Та якимъ же то чудомъ? — озвались голосы.

Федоръ каже: умѣе плавати, отъ панночокъ навчилась, дала нурка, тай сподомъ поплыла горѣ водою. Иой иой! Егомосць идутъ та грозятъ палицей, утѣкаймо! — та и всѣ розлетѣлися на четыре вѣтры.

Фрozy, перебрана въ Семенишине платя, бѣжить на встрѣчу родичамъ, та цѣлуе то Дѣда, то Бабу по рукахъ. А Текля мовитъ: Ова! а чи я знаю, чи я бы дуже плакала за Фрозвѣ, якъ

бы еъ были втопили, то-то она штудерно знае-
плавати. Дурный Юрко сказалъ, якъ тебе не бы-
ло видко на водѣ, що свой черепъ о камѣнь со-
бѣ розобье.

Въ четверъ по святахъ, Федоръ стрѣтивши
Юрка, мовитъ: точно иду до тебе, бо дѣвки у-
поминаются о вечерницю, що мала быти у васъ,
но не стало передъ святами часу, незнати, чи твоя
мама позволила бы, мы бы нынѣ прійшли на
прядки? Юрко каже: та вступи до нась, звѣда-
емся мамы.

Якъ матери розсказати, чого Федоръ прій-
шолъ, каже мати: приходѣть! приходѣть, нынѣ
день мрачный, вечеръ скорше буде, та я дуже
рада, щобы у мене вы забавились.

Паробки кинулись по селѣ, та скликуютъ
дѣвокъ на послѣдну вечерницю. Юрко запукалъ
до окна Дѣдовой хаты, та кличе: Фрозя, Текля!
сходѣтесь нынѣ на послѣдну вечерницю до нась,
до моей мамы.

— Прошу! Дѣдусю, Бабусю! чи кажете намъ-
ити? — мовитъ Фрозя.

— Та чемже нѣтъ, идѣть, ткачъ и такъ пере-
сказуваль, щобы ему пряди донести, та чи дома,
чи на вечерницѣ будете пряли, все одно — ска-
зала Баба.

Де котріи спряли уже кужели, та бавлятся
Ганка стала на порозѣ, зоскочила, приклакла на
одно колѣно каже: топлюся!

— Про кого? — звѣдуясь Гринько.

Про Юрка?

Юрко прійшолъ, бере еъ за руки и зъ легка
пôдтягає въ гору. Ганка поволѣдвигаєсь. Дѣвки
хочочутъ та приговорюють: Ганка якось глубо-
ко запала въ студню. Юрко не може еъ вы-
добыти.

Якъ встала, пôшла на мѣстце а Юрко став-
ши на порозѣ, збскочилъ а приклакнувши на
одно колѣно, кличе: топлюся!

Сенко звѣдуясь: про кого?

Юрко отповѣдае: про Фрозю!

Но Фрозя каже: кличь Теклю! я ще со двѣ-
нитцѣ маю спрясти.

Юрко всталъ, прійшоль ко Фрозѣ, та и присѣлъ при ней и говорить съ тиха: та чему же ты Фрозю не хотѣла ити мене вытягнути изъ студни?

— Та бо спѣшусь, бо я еще мало напряла.

— О, та вже маешь двое повныхъ веретенъ, а третѣго половина, та досыть на нынѣ, на короткій вечеръ.

По хвилѣ мовитъ Юрко: мои мама кажутъ старостобъ до тебе слати!

— Иой нѣтъ, — отповѣдае Фрозя — маю ще часъ, менѣ такъ добре дома.

Юрко призадумался, а по хвилѣ каже: та Фрозю! я пожду, коли твоя добра воля буде, тогда... Всѣ повставали, прощаются съ газдиневъ Юрко отводить ихъ до ворѣтъ а до Фрозѣ каже: завтра иду въ далеку дорогу на ярмарокъ вола продавати — Фрозя! подай руку на розлуку!

Фрозя и Текля вѣйшли въ сѣни, та Фрозя каже: бери мои веретена, а твою хустку менѣ дай, тая занесу вразъ съ моѣвъ въ комору, та потомъ и дверѣ позапираю.

Якъ Текля вѣшла въ хату, Баба звѣдуясь: та дужесьте напряли?

Текля каже: а вось де! я напряла трое веретенъ а Фrozька половину веретена.

— Овъ! Фрозя лишь такъ мало? чему же то такъ?

— Она барашкувала съ паробками та дѣвками, а якъ мы ишли домовъ, то Юрка ажъ за руки стискала. — Въ свѣтлицѣ Дѣдовъ ажъ тяжко застогналъ.

Рано говоритъ Дѣдовъ: Фрозя сбирайся?

— Прошу, Дѣдусь, дежъ я пôду?

— Тамъ, десь собѣ заслужила. Я тебѣ неразъ казаль: „Якъ менѣ яку ганьбу сробишь, заведу тя до медведя на службу! Сбирайся...

— Прошу Дѣдусечко! та яку же а вамъ ганьбу сробила?

— Сбирайся, и... ходи.

Фрозя горенько росплакалася, тай иде за Дѣдомъ.

Вôшли въ лѣсъ, а тутки такъ, якъ бы дерева передъ ними розступались. Идутъ... идутъ... тутъ съ боку медвѣдь взялъ Фрозю за руку и въ мигъ обое щезли Дѣдови съ очей якъ камень въ воду впалъ!

Дѣдовъ ходить по пôдъ лѣсъ... кличе, гойкае Фрозя, Фрозя! вернися, Фrozю отозвися! Якъ нѣтъ, такъ нѣтъ, не чути еи голосу. Дѣдови изъ жалю и смутку, закрутилось въ головѣ, упалъ на землю тай горенько заплакаль.

Баба жде, тай думае: чогожъ то ихъ такъ долго нема, та ще хвильку думае, тай каже: Ей, пôду я имъ на встрѣчу.

Иде, иде по пôдъ лѣсъ, обзырается на всѣ стороны, а узрѣвши, що ктось лежитъ, приступае, а то Дѣдовъ.

— Ой-ой! Дѣдусечку! де Фrozя?

Дѣдо заикуесь отъ плачу. Пропала...! пропала Фrozя? Вымобивши то, тяжко застогналъ.

— Дѣдусечку! та встань! ходи домовъ! ходи, щобъ и ты менѣ не пропалъ! Я гадала, що ты хотѣлъ Фrozю лишь настрашити, ходи! я тя тутки не лишу.

ЧАСТЬ III.

Юрко въ Москвѣ.

I.

За два дни, повернулъ Юрко домовъ изъ ярмарку, кладе на столѣ передъ маму гроши за спроданы воли, та каже: Щожъ тутки доброго коло васъ чувати, здрависте, мамо?

— Славити Господа, я здорова, но у Дѣдовыхъ несчастье!

— Та якое, мамо?

— Дѣдовъ завель Фrozю въ лѣсъ, та медвѣдь ю вхопилъ, певно ю на штуки подеръ. Въ очахъ Дѣдови сchezли Фrozя и медвѣдь, якъ бы камень въ воду впалъ, ни слѣду о Фrozѣ. Дѣдовъ изъ смутку, страху и жалю лежитъ, якъ неживый, не дастъ никому до себе приступити.

— Мамо, я пôду до него довѣдатись, где Фрозѣ глядати?

— Не иди сыну, не пустить Баба нѣкого до Дѣда! Дѣдо лишь иойчитъ: пошарпалъ, подеръ медвѣдь мою дитину на штуки... а то я самъ за вель ю... га-а страшно!!! А она бѣдненька невинна, бо Ганка и Фемка видѣла, що Фроя двое и пôлъ третьего напряла веретена". — Мамо, мамо! — говоритъ Юрко — я тоже видѣлъ, що она двое полныхъ и пôлъ третьего веретена напряла.

По хвилѣ каже Юрко: Мамо, я тутъ не выдержу, хиба смерть собѣ зроблю; сердце менѣ пукне, не выдержу. Фроя менѣ тутки буде на каждомъ мѣстцѣ въ очахъ стояти... нѣтъ не выдержу, хиба въ свѣтѣ за очи пôду.

— Иой сыну! що ты кажешь?

— Мамусенько, якъ хотите шобы я жиль, пустѣть мене. Онде власне пôшли мазуры въ Россію на роботу, я ихъ дожену, та пôду съ ними; въ далекомъ свѣтѣ забуду, легче менѣ буде и здоровъ поверну къ вамъ мамуню — тай бере за шапку и хоче ити.

— Юрку! та съ чѣмже идешь? безъ крайцара?

— Правда! правда! безъ крайцара ніякъ то пуститись въ дорогу. Сколько мама менѣ вдѣлять?

— Бери всѣ! — каже мати.

— Нѣтъ, мамо, якже бы вы безъ крайцара лишились?

— Тамъ ще въ скринѣ щось есть — та отгартаете и каже: бери половину, не марнуй! но не бѣдуй!

Юрко взяль гроши въ чересь, обцѣлуvalъ матери руки, ноги, затистулъ шапку и полетѣлъ.

За селомъ дôгналъ Юрко мазурбъ. Онъ стрѣтился быль съ ними еще прежде идучи изъ ярмарку. Поздоровилъ ихъ теперь и каже: моя добра мати, пустила мене ити, щобъ я увидѣлъ, бôльше свѣта, чѣмъ зъ окна видко. Сли непогордите мною, то я вамъ къ прилучусь.

— Добре, добре, буде насъ бôльше; тѣмъ лучше — отповѣдаютъ мазуры.

Одинъ мазуръ, старшій межи ними — зве
ся Войтекъ Брындза — звѣдуясь у Юрка: ма-
ешь ты пашпортъ?

— Шо то есть „пашпортъ“? — пытае Юрко.

— Есть то, такое письмо отъ староства, що-
бы вольно было ити за границю.

Юрко застращился, та и каже: иой! нѣтъ!
я не маю пашпорта.

— Шо мы тутъ съ тобой зробимо? безъ па-
шпорта за границу не пустятъ. Ты служилъ уже
при войску?

— Служилъ — отповѣль Юрко.

Войтекъ Брындза каже: — Га! попробуемъ
на нашей коморѣ на границѣ попросимо въ уря-
дѣ о перепустку для тебе. Мы не идемъ далеко
тамъ въ Россію, то може дадутъ перепустку!

И въ самомъ дѣлѣ, на представленье Войт-
ка Брындзы выдали Юрку въ урядѣ перепуст-
ку. То его дуже утѣшило, бо неразъ онъ того
бажалъ, кобы то можно ему было разъ въ Вели-
ку Русь зайти.

Среди бесѣдъ зашли Юрко и мазуры до
того двора, де вже неразъ бывали на роботѣ.
Жнива! жнутъ женцѣ пшеничку, жолту якъ ду-
катъ а чисту, не найдешь въ снопѣ стебельца
травы.

А вже и молотѣльня прїѣхала, надѣ вече-
ромъ, намолотили, насыпали купу велику зерна.

Вже и часъ домовъ ити, такъ идутъ женцѣ,
идутъ и наставники Юрко оглядась, та каже
до одного наставника: та зерно буде тутки въ
полѣ ночувати? А ктожъ буде стерегчи, щобы
злодѣи не роскralи.

— Та що тебѣ далъ Богъ за гадку? У насъ
нѣть злодѣевъ. У насъ каждый благодаритъ Бо-
га за то, що ему Богъ милостивый съ своеї ла-
ски далъ и николи никто не лакомится на чуже
добро! Мы спокойно идемъ домовъ, тутъ никто
одного зерна не троне.

II.

Юрко працюе и робить, що кажутъ, добре. Но щожъ? коли такъ, якъ бы му щось шептало: иди дальше, иди подальше въ свѣтъ!

Разъ въ недѣлю по Службѣ Божій иде Юрко собѣ полемъ, иде, та зайшолъ ажь на желѣзнодорожный дворецъ, та сталъ и роззираєсь, а тутъ якъ разъ задуднѣло, зашумѣло — поѣздъ надѣхалъ. Юрко звѣдуясь у одного колѣйника, де то той поѣздъ иде?

— До Варшавы — отрекъ колѣйникъ.

Юрку такъ, якъ бы щось шепнуло: иди, иди дальше въ свѣтъ! Юрко поскочилъ, купилъ билетъ, сѣлъ до вагону и поѣздъ рушилъ.

За нѣсколько годинъ Юрко уже ходитъ по Варшавѣ, роззираєсь, заходитъ въ костелы, въ церкви, подивляє красоту русской церкви. Дивится по улицахъ на красныи domы. А узрѣвши, що люди бѣжать въ одну сторону, бѣжть и собѣ за ними.

А тамъ на одной площиади щось такого, якъ буда великая, чи копиця сѣна, но круглое. Довкола дуже много люда стоитъ.

Юрко спрашивае одного человѣка: Переprашаю пана, що то може быти, онде тамъ то-то? — указаючи рукою въ ту буду.

Панъ отвѣчае: Такій снарядъ зовеся бальонъ; якъ его пустятъ, взнесеся дуже wysoko и летить въ Божій свѣтъ.

Юркови, якъ бы щось шепнуло: Лети и ты въ Божій свѣтъ.

— А тіи паны, — говоритъ дальше оный панъ — що будутъ сидѣти въ томъ бальонѣ будутъ давати направленье, куда онъ мае летести.

Юрко подякувавши пану за обясненіе, перетискається помежи людей. Якъ приблизился до самого бальона, а тутъ якъ разъ два паны сѣдають въ бальонъ.

Юрко промовляє: прошу дуже красненько, може бы паны были ласкавы мене взяти зъ со-

бою въ той бальонъ? — А одинъ панъ каже: человѣче! то дуже дорого стоитъ.

Юрко мовитъ: сколько же прошу пана? — Панъ говоритъ: двадцать-пять рублѣвъ! — А Юрко шурь-шурь въ свой чересъ, отчислилъ двадцать пять рублей, тай подаль пану и сказалъ: прошу пана, тутъ есть двадцать пять рублей. — Панъ мовитъ: ну! сѣдай тутки.

Бальонъ, хитаешь и помаленько подносится въ гору, дуже высоко, по надъ дому, по надъ дерева и тогда сталъ въ одну сторону летѣти.

— Прошу пана, до якого краю мы летимо — пытае Юрко.

— До прусской Польши. — Панъ вынимаетъ трубку, розтигаетъ ее осторожно, а Юрко пытае: прошу пана, що то, такое?

Панъ каже: та трубка звеся телескопъ, т. е. зрительная трубка или далековидъ — прикладае до ока и розтигаешь по сторонамъ, другій же панъ звѣдуєсь: а що? не видно еще Познаня? — Нѣтъ, невидно! — отвѣтилъ первый панъ съ трубкою.

Въ ту хвилю, захитался бальонъ, и що разъ сильнѣйше метался. Паны якують машину покручуютъ. Одинъ изъ нихъ воскрикнулъ: нѣтъ! нищо не поможетъ, іншій вѣтеръ повѣяль. Обернуло бальономъ и мы въ іншу сторону плаваемо по воздухамъ.

— Не знати, куда нась той вѣтеръ занесе? — заговорилъ другій панъ. Тамтой першій панъ взялъ далековидъ въ руки, прикладае до ока и каже: на свѣтѣ мрачно, хмары низко несутся, не можъ роспознати, де мы есьмо.

Юрко задремалъ. Будится а то ясный день. Панъ съ трубкою при оцѣ розтигаешь, каже: якійсь великий городъ, незнаю якій то. — Дайте, прошу, менѣ далековидъ — просить другій. — Наладивши далековидъ до своего ока, воскрикнулъ: та то Москва — Первый панъ воскрикнулъ: а то фатально, намъ треба было въ Польшу, може вы ошибаетесь?

— Нѣтъ! я знаю Москву; виджу Кремль, а тамъ Исаакіевскій Соборъ. Подивившись въ

другу сторону, воскликнулъ: море народа! Голова при головѣ, яблоко не попало бы къ землѣ.

Другій панъ каже: но-но! уже знаю, то Ходинское поле — знаете въ газетахъ стояло, що въ часѣ коронаціи царской на Ходинскому полю будутъ различныи игры для народа!

Въ ту хвилю, якъ не потрясе щось бальономъ! Воздухоплаватели зверещали: що то есть?

Бальонъ застрягъ на высокомъ деревѣ и роздерся, а вершокъ дерева межи нами.

Юрко первый вылабудался изъ-подъ бальона и такъ помогъ панамъ-товаришамъ поволѣ по деревѣ спуститися одинъ за другимъ на землю.

— Га-а! воздушне плаванье якосъ намъ не повелось; теперь пѣшкомъ треба ити, но де? — говоритъ одинъ изъ пановъ.

— Та ходѣмъ троха межи народъ, подивитись — каже другій панъ, но годѣ тамъ дотиснутись, намъ треба за повозкою оглянутись, щобы до мѣста мы заѣхали.

Юрко кланяесь и говоритъ: красненько дякую ласкавымъ панамъ, що мене взяли на бальонъ, безъ того бо быль бы я въ житью столько свѣта не бачиль и желаю щастливой дороги.

Паны отповѣли: мы такожь тобѣ желаемо всякого добра, та щобы ты тутки въ далекомъ свѣтѣ весело забавлялся, а потомъ щастливо домой вернуль.

III.

Паны пôшли а Юрко стоитъ съ своими гадками на мѣстцѣ. Паны сказали, щобъ я въ далекомъ свѣтѣ весело забавлялся, та щастливо домовъ вернуль. Ой, нѣтъ, нѣтъ! менѣ веселости и въ томъ далекомъ свѣтѣ нѣтъ! бо менѣ все моя Фрозя на мысли стоитъ, що съ нею сталося? Медвѣдь пошарпалъ ю на куски! Чему же я не послухалъ моей мамы, та не пôслалъ старостовъ

до Фроздѣ? Вернути домовъ? Ой нѣтъ? Тамъ бы менѣ сто разъ на сердцѣ тяжше было!

Опамятившись изъ своей задумы, видитъ что люди по при него идутъ, одни за другими. А ему щось якъ-бы шепнуло: иди! иди и ты! Такъ пожоль онъ за другими, ставаючи що хвиля, бо на передѣ густая гурма и лишь помалу можно было поступати на передѣ. Такъ онъ помалу ишолъ, ажъ видитъ по обомъ сторонамъ плоты изъ дроту а серединою вузоньку стежочку, такъ що лишь одинъ человѣкъ за другимъ по ней смогъ поступати. Та стежочка не долга, вела до малого домика.

Въ дверахъ того домка стоитъ чи то панъ чи то слуга: жупанъ на немъ и капелюхъ общий золотистымъ гальономъ, на рукахъ бѣлые рукавички и роздае каждому, кто туда переходитъ, узликъ червоню хусткою звязанный. Беруть другіи и Юрко взяль. Тутъ вже иди, куда хочь.

Но куда ни поступишь, а то величъ-куфы. При каждой куфѣ стоитъ такій самъ паничъ, якъ тамъ при домку и точить каждому щось до подставленой кружки*). Тіи, що мають наточено, стають оподаль и попивають. Юрко зацѣкавленый, що они такъ попивають?

Та паничъ при куфѣ якъ некрикне до Юрка: ты дуракъ! чево сталъ? другимъ препятствовать Пей!

Юрко звѣдуясь: прошу пана, що то есть?
Паничъ отвѣтилъ: пиво, не видишъ? давай кружку подъ втулку**).

Прошу пана, я не маю кружки.

— Ахъ, ты дуракъ! Вотъ на столѣ узелокъ возьми, разверни!

Юрко береть розвязуетъ, а то, Господи: скругокъ колбасы, бохончикъ хлѣба и кружка бѣлая, розкрашенная съ царскимъ гербомъ — та подставляє підъ чопъ и спрашиває: прошу пана, сколькося належить?

*) куфликъ, великая шлянка.

**) Чопъ.

Паничъ скричалъ: ты дуракъ, милостивѣй-
шій Государь заплатилъ! пей сколько хочь!

Юрко отступае въ сторону, съдае на землю,
тай кушае колбасу съ хлѣбомъ та попивае, пи-
вомъ. При немъ сидитъ зѣ четверо люда, видко
уже покушали и говорятъ собѣ: а то музыка
прехорошо играетъ, а вотъ тамъ танцуютъ. Ей
Богу, такъ здѣсь три военные оркестры, но о-
динъ далеко отъ другого, а при каждомъ танцу-
ютъ — говорятъ они. Одинъ изъ нихъ, рѣзвый
паробокъ каже: я ужъ потанцовалъ.

Старшій вѣкомъ всталь и каже: ребята¹⁾ —
полно-те²⁾, вечерѣеть, поищемъ³⁾ гдѣ пе-
реночевать, а завтра утромъ въ Москву. Покло-
нимся чудотворной иконѣ Матери Божій Твер-
ской. Вотъ Государь какъ прѣхалъ на корона-
цію, прежде всего пошоль поклониться Матери
Божій Тверской!

Юрко тяжко востхнулъ. — А старшій вѣ-
комъ мовить: Што у тебя, какая зазнобушка⁴⁾.

— Якаясь туга, якъ тяжкій камень, лежитъ
мнѣ на сердцѣ — каже Юрко.

Старшій вѣкомъ москаль каже: предайся
Чудотворной Матери Божіей Тверской! Матерь
Божья сжалится надъ тобой и упросить своего
сына Божія Иисуса Христа, чтобы тебѣ спалъ э-
тотъ тяжкій камень изъ сердца.

— Охъ, добрый человѣче, поможѣть менѣ
прѣмѣте мене до вашей компаніи, та я бы
ишоль вразъ съ вами въ Москву, поклонитись
Царицѣ небесной и отдатись ея милостивой опѣ-
цѣ — просилъ Юрко.

— Очень радъ, пойди съ нами — говорить
старый москаль — но я совсѣту тебѣ, прежде
быть на исповѣди, ибо Матерь Божья не береть
подъ свою опеку грѣшнаво человѣка; дай на
службу Божью и скажи, что это въ намѣреніи,
чтобы Господь Богъ, за молитвами Пречистой

1) дѣти.

2) досыть намъ.

3) пошукаемъ.

4) жаль, грызота.

Дѣвы Матери Божой Тверской отвернуль отъ тебя этотъ камень, эту твою тяжку печаль.

— Охъ, дорогій батюшка ! все зроблю, що менѣ скажете, лишь покажѣть менѣ дорогу — молитъ Юрко.

— Поди-ка съ нами; какъ твоя фамилія*) — звѣдуешься старицъ.

Юрко мовить : Пишуся Юрко Процѣй.

— Ходи, ходи съ нами, я тебя всюды заведу, куда нужно.

Я послухалъ и все, такъ акуратно сробилъ, якъ онъ мнѣ приказувалъ.

А коли я послѣдній разъ пôшолъ поклонитись Матери Божой Тверской и коли третій разъ поклонился, якъ бы якій тягаръ изъ моихъ грудей зосунулся ко землѣ.

— А менѣ такъ стало легко на душѣ а такъ весело на сердцѣ и лишь одна милая гадка овладѣла мною : иди, иди до дому къ матери твоей.

Юрко походилъ ще троха по Москвѣ, та сѣлъ на желѣзницу а въ три дни станулъ при своей мамѣ.

Юрко цѣлуе малу по рукахъ, ногахъ. Мати воскликуе : сыну м旤 ! за тобою плакала я день и ночь, а ты не давалъ ніякой вѣстоныки о собѣ. Чи здоровъ ты ? та урадована цѣлуе сына.

— Здоровъ, мамуню, здоровъ на душѣ и на тѣлѣ — каже Юрко.

— Спочни же собѣ съ дороги, а я зладжу дещо покушати — мовить мати.

— Добре мало! а потомъ будемо собѣ розскавати, що коло васъ чувати а и въ селѣ нашомъ, а я снова розскажу вамъ, куда бывалъ, що бачиль и щочувалъ.

Нѣчѣмъ мати и сынъ розскажують собѣ, то о томъ, то о семъ, мы же посмотримъ, що сталося съ нашою Фрозею ? чи дикій медвѣдь пошарпалъ ю може на штуки ?

*) Якъ называєшъся.

Часть IV.

Фрозя у медведя.

I.

Нѣтъ! нѣтъ! не пошарпаль медвѣдь Фрозю на куски, нѣтъ, а напротивъ ласково взялъ медвѣдь Фрозю отъ отца, завель ю въ ладный домъ и каже: газдуй себѣ тутки въ цѣломъ домѣ, якъ розумѣешь и якъ хочешь.

Она бѣднятко уже отца своего не видить, лишь медвѣдь бере ю въ темный лѣсъ. Она дрожитъ на цѣломъ тѣлѣ, бо увѣрена, що туйтуй еи смерть буде.

Но якъ медвѣдь такъ ласково до ней промовилъ, она охлонувши отъ страху, роззираесь и думае: що и якъ тутки маю газдувати? а потомъ каже до себе: недалеко полудне, треба полуденокъ варити. Иде въ комору а тамъ всего есть: каша, мука, рыжъ, пенцакъ а тамъ скопецъ на лавцѣ, та думае: коли скопецъ есть, то и коровы есть.

А выглянувши другими дверьми, видитъ, що при боцѣ стаенка стоитъ; зазырае въ стайню а тамъ при жолобѣ, якъ ланѣ, двѣ красны коровы.

Вернувшись въ хату, затопила, поставила въ горнятахъ воды, принесла каши, та сколька бульбъ а обѣливши ихъ, пошла коровы подоити. Цверкае — а тутъ такъ богато молока! Троха выдѣлила спарити на обѣдъ.

Фрозя газдуе якъ во власнѣмъ домѣ — то варитъ, то хлѣбъ пече. А тутъ треба и масло справити.

— Иой-иой — говорить къ себѣ — боденка така величъ, ще старосвѣтска; теперь всѣ правятъ масло въ маленькихъ боденкахъ, а часто хотя бы и що три дни съ молодой сметаны а на холодку — при тѣмъ роззираесь по коморѣ

— ой, а то що, та я не видѣла — а тутъ на лавѣ стоитъ, така ладна боденочка*).

Фрозя справивши масло и сполокавши студеною водою, вкроила пайку хлѣба, помастила масломъ, тай дала медведеви.

А медвѣдь кушае, та прицмокуе: о, добре! добре!

Одного дня просить медвѣдь: Фрозя! свари пшоняной каши на молоцѣ.

— Пшоняной каши нема — отвѣчае Фрозя.

— А иди но, поглядай въ коморѣ — каже медвѣдь.

Фрозя пѣшла въ комору, а на лавѣ стоитъ полный саганикъ пшоняной каши.

Та що такое? тѣлько тутки ходжу и не видѣла саганика того — говорить къ собѣ Фрозя.

А и диво якоесь было, за чѣмъ лишь Фрозя поглядала, то то сейчасъ откилясь взялось.

Варитъ Фрозя кашу, пѣдмѣшую, а то по кухни розходится такая пахнуча пара. Изъ за комина выбѣгаеть бѣла мышка та просить: Фрозя дай и менѣ той пахнучой кашки!

— Добре, дамъ! лишь якого ладногого чепка поглядаю — а заглянувши въ полицю, кликнула Фрозя: ой, ой, я не видѣла, а тутки така красна морска свѣтляча раковинка**) — я тебѣ мышко дамъ на ней кашки, якъ сварится — каже Фрозя.

Всѣмъ троимъ, мышцѣ, медведеви и Фrozѣ кашка дуже смаковала.

— Фрозя! — просить медвѣдь — умый мене, но не помачай мене!

Фрозя придумалась: якъ то мыти, а не помачати?

Думае, думае, а въ мигъ пригадала собѣ, якъ ще у еймосцѣ служила, то чистила бѣлу вовняну хустку або бѣлый кожушокъ бѣлою красною мукою, вытираючи въ долоняхъ.

Поскочила въ комору, та принесла найкрасшой муки полну мѣрку; посыпue по медведю и

*) масничка.

**) мушля, черепашка.

потирае то шматкою, то щоточкою. А медвѣдь ажъ вгинаеся, та пошептуетъ: ой, то-то добрѣ! ой, то-то добрѣ! Въ кѣнцѣ поцѣлувалъ Фрозѣ руку и сказалъ: буде вже, буде!

Разъ каже медвѣдь: завяжи менѣ очи Фрозя, будемъ бавитися „въ слѣпу сову“, но кажу тебѣ Фрозю! утѣкай ловко*), бо якъ тя словлю, то може и твоя смерть быти.

Фрозя пôшла въ комору хусточки поглядати, щобъ медведеви очи завязати, а мышка, швидко за нею и каже: выйми менѣ изъ уха! Фрозя вынимает, а то малехонькій звѣночокъ.

— Дай его менѣ — каже мышка — я буду нимъ черкотати, медвѣдь буде гадати, що то твои корали на шїи теркотять, та въ тамту сторону буде за тобою хватати а такъ будешь могла все передъ нимъ умкнути.

Такъ и сталося. Всѣ трое бѣгали; мышка черкотала, Фрозя швидко утѣкала. Такъ бѣгали, ажъ медвѣдь змучился и каже: не зловилъ! а то скороочусь моя покута! Розвяжи, розвяжи менѣ очи Фrozя!

II.

Незадолго медвѣдь жалостнымъ голосомъ каже: Фrozя! ты вже пôдешь домовь! такъ, такъ пôдешь! менѣ буде жаль за тобою! ты мое спасенье; отъ коли ты тутки, лѣсныи духи не приходятъ мене мучити. Жаль менѣ жаль, но треба тебѣ ити домовь, бо твои родичи тяжко горюютъ, розшибаются за тобою.

Фrozя бере хустку, щобъ загорнутись а медвѣдь каже: ходи но, выйми менѣ изъ уха, но бѣжи скоро съ тѣмъ, що выймешь на двôръ и ставь на землю.

Фrozя, вынявши, побѣгла на двôръ а вернувшись говоритъ: такій красный вôзъ съ полукошкомъ.

*) спрятно.

Медвѣдь каже: выйми ще и бѣжи на дво́ръ и клади на возъ.

Фрозя вынявши, выбѣгла и вернувши мовить: така красна малёвана скриня а въ ней полно модного шматя.

Медвѣдь каже: выйми ще и бѣжи.

Фрозя, вернувши, мовитъ: йой! така красна Гара воло́въ.

— Та поставь ихъ въ ярмахъ при возѣ и прійди — каже медвѣдь.

За хвилю Фрозя вернула а медвѣдь проситъ: еще разъ выйми.

Фrozя выняла, а то два перстенѣ.

— Придивись имъ добре, бо по тихъ перстеняхъ може коли спѣзнаешь мене въ иншомъ видѣ; тотъ большій пусти назадъ въ ухо, а тотъ меньшій возьми собѣ! — каже медвѣдь — а теперь єдь здорова съ Богомъ съ твоимъ майномъ домо́въ а не забывай о менѣ.

Фrozя пôдганяе волы, идучи попри возѣ, та и заѣхавши передъ домъ, пристанавляе волы пррру....ча!

Въ хатѣ Дѣдовъ каже: что то такъ туркоче? кто се прїѣхалъ?

Текля выбѣгла, а вернувши мовить: та ктось при волахъ стоитъ, такъ якъ наша Фrozя.

Дѣдовъ и Баба выбѣгли, та восклікнули радостно: наша Фrozя! наша Фrozя!

Фrozя припадаетъ къ родичамъ, та цѣлуєтъ имъ руки, ноги. Дѣдовъ звѣдуясь, указуючи на возѣ: а то що? чье то?

— Дѣдусю! то всѣо мое, медвѣдь менѣ далъ — говоритъ Фrozя.

Дѣдовъ завелъ волы до стайнѣ, возъ заточилъ въ боиско, скриню Фrozя и Баба внесли въ хату. Текля заглянувши въ скриню, восклікнула: иой-иой! якое тутки красное шматя!

Дѣдовъ войшолъ въ хату, Баба говоритъ:

— Дѣду! веди Теклю въ лѣсь до медведя на службу?

Дѣдовъ, якъ бы того не чулъ, мовитъ: Фrozя! Фrozя! та розсказуй, якъ тобѣ тамъ было?

Баба того не слухае, лишь говоритъ и говоритъ: веди Дѣду, Теклю въ лѣсь!

— Ну, якъ ити, то ити — бере шапку тай каже: ходи Текля! — и такъ прійшли до медвѣдя.

Медвѣдь, взявши Теклю за руку, завель въ хату и каже: газдуй, якъ знаешь.

Текля, порозиравившись, думае собѣ: овва! яка менѣ то велика штука газдувати, якъ всюды всѣго полно есть. Та и газдуе на свѣй ладъ.

Войшовши въ комору, узрѣла малу боденку, та говоритъ: я бы то съ такою файкою бавилася? — я возьму онде тамту велику масницу, буду сбирала въ ню сметану десять дней або и бѣльше, та на разъ зроблю масла гукъ! а то въ малой боденцѣ бався що другій-третій день а каждый разъ, лишь капка того масла буде.

Парить молоко, та бѣда — прикурилось! Дае медведеви. Медвѣдь покушаль, отвернулся и каже: не буду пити того молока!

Текля шепче собѣ: овва! якій менѣ паничъ, молоко капку прикурилось а онъ вже: не буду пити. Медвѣдь вчулъ то и лишь помручалъ.

Одного дня просить медвѣдь: Текля! свари намъ пшоняной каши на молоцѣ!

Текля варить, пôдмѣшую а изъ за комина выбѣгае бѣла мышка и каже: дай менѣ пшоняной каши на молоцѣ.

Текля, якъ не трѣпне варехою*) по коминѣ — счастье, що мышка схопилась, бо была бы ю вареха роздавила. И медвѣдь тои каши не ъль, бо была прикурена.

Текля собѣ говоритъ: та вже бы то масло справити — а вставивши масницу въ цебрикъ въ горячу воду, каже; другіи люди ставляютъ масницу въ студену воду, но то дурно, бо въ теплѣ скорше масло робится.

Править она того масло, править а тутъ ани рушъ, щобы зѣшлося въ грудку. Та вже на вкучились ей, выбирае а то такое рѣдкое, на мазь заробленое. Помастила тымъ масломъ пай-

*) чумитомъ.

ку хлѣба, дае медведеви, онъ лишь покушаль, каже: нѣтъ, не буду съ такимъ масломъ ъсти. Дай менѣ пѣсного хлѣба!

Въ ишій день проситъ медвѣдь: Текля! мой мене, но не помачай мене!

Текля шепче собѣ: а то дурноватый той медвѣдь! Якже бы то можно мыти а не помачати?

Медвѣдь вчулъ и лишь помруchalъ.

Текля набравши воды горячай въ коновку, та хлюсть на медведя. Медвѣдь ажъ застональ людскимъ голосомъ.

То сновь проситъ медвѣдь: Текля, завяжи менѣ очи, будемъ бавитися въ слѣпу сову.

Текля пѣшла хусточки глядати; но бѣла мышка не вышла къ ней сказать, что хочетъ ей помочи.

Текля завязуе медведеви очи, а медвѣдь каже: Текля! утѣкай же скоро, бо якъ тя зловлю, то твоя смерть.

Медвѣдь зловилъ Теклю отъ разу; наокладаль ю бухняками, що влѣзло ся и выtronулъ ю за дверѣ говорячи: якъ бы я такій былъ злый, якъ давно, то роздеръ бы тя на куски а покута моя продолжалася бы.

Текля стоитъ и плаче: иой-иой! якажъ я нещастна!

Медвѣдь слухае, та вышолъ и каже: твому нещастю ты сама винна, я тебѣ дамъ раду: присягни собѣ передъ Господомъ Богомъ, що хочешь быти добра, що хочешь старшихъ слухати и що хочешь все розумно такъ робити, якъ Фроля — то будь певна, що будешъ щастлива!

Текля постояла ще минутку, обтерла слезы тай мовить: послухаю медведя, піду тою стежкою узкою, тамъ при той стежцѣ въ заросляхъ есть кресть, тамъ присягну и помолюсь до Іисуса Христа, щобы скрѣпиль мое добре постановленье.

III.

Въ Дѣдову хату вѣшли Ганка и Фемка.
Ганка мовитъ: мы тутки пришли, бо хотѣли бы
видѣти Фрозине убраньства.

Та дивѣтся, дивѣтъ — каже Баба — онде
повна скриня, но бѣда, що Фрозя якасъ не своя,
ничъ єсти не хоче.

— А дежъ Фrozя есть? — звѣдуясь Фемка.

Въ хатѣ ей душно, сидитъ онде пôдъ гру-
шою, вы тутки забавляйтесь а я скокну, онде
въ зарослье, троха ягôдокъ назбираю, може
Фrozя съѣсть, та бы ся ей смакъ направиль —
сказала Баба и вышла.

Фrozя сидитъ задуманная, бо слова медве-
дья не сходить еи съ ума: може коли спознаешь
мене въ иншомъ видѣ.

Дѣвки обзираютъ, тай хвальбамъ нѣть
конця; одно убраньство красше отъ другого.

Ганка мовитъ: обзирай тутъ, я пôду на
хвильку до Фrozѣ.

— Ей чуешь Фrozя, то-то ты красны убран-
ства маешь! Ба и вѣзъ и волы — не дармо то
и Федоръ Семеновъ, а зновъ чути и Сенко Гри-
нишинъ хотятъ старостовъ до тебе слати!

— Иой, най ся не трудятъ — каже Фrozя —
я не буду отдаватись.

— А щожь будешь робити, якъ Дѣдо и Ба-
ба помрутъ? — мовитъ Ганка.

— Що я... буду робити? — тяжко вздохнула
Фrozя — що я буду робити? я пôду въ лѣсь
на службу до медведя! — Подивившись на пер-
стень на лѣвой руцѣ на третимъ пальцѣ повти-
рала порохъ съ очка и поцѣлувала перстень.

Въ ту хвилю стали громы бити, Фrozя
омлѣла. Трѣскъ, праскъ, громы бьють, лѣсы за-
падаются а на ихъ мѣстце прекрасныи поля, да-
вни солтыски виднѣются.

Баба и Текля стрѣтились въ зарослю, бѣ-
жутъ въ страху домовъ.

Въ ту хвилю иде двое людей — старша
женщина и молодый паробокъ просто пôдъ гру-
шу. Ганка закрыла хусточкою лицо Фrozине.
Женщина звѣдуясь: есть тутъ наша Фrozя?

Ганка открывае Фрозине лицо и мовить: якъ громы стали бити, Фрозя омлѣла а я не могу еи розбудити.

Стройный паробокъ, приклѣкнулъ и бере Фрозю за руку: Фрозя! Фрозя! пробудись! я пришолъ до тебе, я Петро Медвѣдь, ты мое спасенье! пробудись!

Фрозя открываетъ очи дивится. Петро каже: не познаешь мене? покажи твой перстень съ лѣвой руки, съ третьёго пальца и подивись на мой перстень на третьёмъ пальцѣ лѣвои руки, а теперь знаешь, кто я? тогдашний медвѣдь! теперь въ иншомъ видѣ!

— Знаю, о знаю! Прошу вѣйти до хаты — радостно припрашуе Фрозя.

— Теперь красно дякуемъ за запросины а вечеромъ придемъ со старостами — сказала женщина, бывшая бѣла мышка.

Юрко Процѣй придивляеся съ далека и съ блиска Теклѣ, о которой всѣ стали говорити, що ажъ медвѣдь научиль ю розуму и що она теперь цѣлкомъ смѣнилася. Послухалъ своей мамы и послалъ старостовъ до Теклѣ. А такъ за шесть недѣль, было въ одинъ день, двое славныхъ весѣль: Петра и Фрозѣ, Юрка и Текли. Двѣ пары звѣнчались на всегда. И щасливо живутъ до нынѣ.



Поѣздка „Русскихъ Дружинъ“ въ Прагу.

15 (28) іюня с. г. отбудется въ чешской Празѣ слетъ (съѣздъ) соколовъ изъ всѣхъ славянскихъ земель. Туда прибудутъ тысячи а тысячи представителей славянскихъ сокольскихъ (гимнастичныхъ) Обществъ, що прияты участіе въ торжествѣ празднованія 50-ти лѣтняго юбилея дѣятельности чешского гимнастичного общества „Соколь“, который явился родоначальникомъ того рода обществъ

у всѣхъ другихъ славянъ; они являются туда; що-
бы приглянулись на мѣсци успѣхамъ чешского
сокольства и вообще всей культурной работы
братьевъ чеховъ, котріи въ томъ отношенію
стоять найвысше межи всѣми славянскими наро-
дами.

И чехи будутъ мати съ чѣмъ показатися и
похвалитися передъ своими гостями, братьями-
славянами.

Чешское сокольство насчитываетъ сотни
тысячъ членовъ и представляетъ оно добре съор-
ганизованную народную армію (войско), которая
имѣеть на цѣли плекати силы тѣлесныи и духов-
ныи своего народа и тѣмъ способомъ вести его
къ побѣдамъ на культурно - экономическомъ по-
лю. И потому неудивительно что въ послѣднѣхъ
часахъ чехи довели до того, что они не только
межи славянами, но и межи всѣми другими наро-
дами всего свѣта занимаютъ одно изъ первыхъ
мѣсцъ що до просвѣщенія, промышленности и
народного богатства.

Чехія, то найбогатшій край въ австрійской
монархіи; тамъ и промышленность сильно розви-
та, но и рольництво стоить на найвысшей сте-
пени розвитія и розцвѣта. Тамъ есть чему при-
дивитись! Никто не пожалѣеть кто туда отпра-
вится на тіи юбилейныи торжества и придивится
тамъ житю, культурѣ и неусыпной роботѣ чеховъ!

Якъ узнаемо, на той слетѣ славянскихъ со-
кововъ въ Празѣ собирается щхати также много
представителей и нашихъ „Русскихъ Дружинъ“. Правленіе Союза Русскихъ Дружинъ во Львовѣ
занимается энергично организаціею той поїздки.
Желательно только ѩобы туда поїхали по воз-
можности представили всѣхъ нашихъ Дружинъ
изъ розличныхъ сторонъ Галицкой и Буковин-
ской Руси.

Несомнѣнно, ѩо головную часть нашихъ
дружинниковъ будутъ составляти селяне - земле-
дѣльцы. Было бы дуже желательно, ѩобы при
той случайности они якъ найближше могли при-
глянутися образцевой господарцѣ чешскихъ се-
лянъ. Понеже въ самой Празѣ, яко великому го-
родѣ, того увидѣти не можна а также и изъ

оконъ вагоновъ желѣзной дороги всего не уви-
дишь, то для того треба поѣхати въ самое село
и съ блиска всему приглянутия и о многомъ
(ропытати) розннати.

Тое можно будетъ легко и безъ великихъ
росходовъ сдѣлати на обратной дорозѣ, коли
друдинники будутъ вертати изъ Праги. Тогда
легко можно будетъ остановитиа въ одномъ-
другомъ мѣсцы и отправитиа въ поблизкое отъ
желѣзной дороги село.

Центральный Выдѣлъ нашего Общества же-
лаючи помочи въ томъ дѣлѣ нашимъ друдинни-
камъ рѣшилъ занятьися организацію такои по-
ѣздки въ чешскіи села подъ проводомъ агроно-
ма нашего Общества.

Для того потреба будетъ отнестиа раньше
до братьевъ чеховъ съ запросомъ, которыи села
по дорозѣ были бы найдутѣнѣйшии для тако-
го осмотра и затѣмъ отнестиа до представи-
тельства тихъ сель, щобы приняли нашихъ дру-
динниковъ, показали и розсказали имъ все изъ
своего житъя-бытъя и своей господарки.

Для того потреба намъ знати сколько най-
дется охотниковъ для такого осмотра чешскаго
села.

Въ виду того кто выбирается ѻхати съ дру-
динами въ Прагу и затѣмъ желалъ бы принятіи
участіе въ поѣздцѣ для познакомленья съ чеш-
скою сельскою господаркою най заявить о томъ
центральному Выдѣлу найпознѣйше до 20-го іюня.

Росходы для такои поѣздкѣ поносить всякий
самъ, но якъ уже сказано они не могутъ быти
великіи, бо будутъ осмотрюватиа близкіи отъ
желѣзной дороги села и наибольше только въ
двохъ розличныхъ мѣсцевостяхъ на пр. въ Чехіи
и Моравіи.

Кто уже отправляется въ Прагу, то при той
случайности не повиненъ пожалѣти уже ни гро-
ша ни часу, щобы осмотрити чешскіи взорцевыи
господарства и для себе неодно полезное нау-
читись.

